

18+

КОТ ИЗ БЕЗДНЫ

Антиутопия

Любовь Сушко

Любовь Сушко

Кот из бездны. Антиутопия

«Издательские решения»

Сушко Л.

Кот из бездны. Антиутопия / Л. Сушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-626578-3

Антиутопия — конец света наступил, когда в усадьбе сожгли библиотеку, но какое-то время нам всем еще удавалось жить и даже творить. А вот о том, как мы все вольно или невольно убивали нашу словесность и литературу вам расскажет кот Баюн и все, кого он встретил на своем пути. Эпоху Пушкина и Блока сменили темные, жуткие времена

ISBN 978-5-00-626578-3

© Сушко Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1 Созвездье черного кота	8
Глава 1 Начать сначала не получится	9
Глава 2 А кот молчал	10
Глава 3 Остальные подтянутся	12
Глава 4 Она не Маргарита	14
Глава 5 Признание Гекаты	17
Глава 6 А вот и Мефистофель	19
Глава 7 Старые друзья	20
Глава 8 Подруга Мефистофеля	21
Глава 9 Приговор Эриды	24
Глава 10 Богини в городе	26
Глава 11 Прогулки и открытия	27
Глава 12 Одиссей или Прометей? Люцифер	29
Глава 13 Сначала было «Слово» Люцифер покинул мир	31
Глава 14 Трудное решение	33
Глава 15 От света к тьме	35
Глава 16 Решение принято	36
Глава 17 Исчезновение	37
Глава 18. Затерявшийся во времени, появляется в Пекле	38
Глава 19 Две рукописи, какая главная?	40
Глава 20 Ярость великого князя	42
Глава 21 О князе Игоре, писателе и воине	44
Глава 22 Монах в темнице у волхва	45
Глава 23 Как повторяется старый миф о Зевсе	47
Глава 24 Бес требует от монаха невозможного	48
Глава 25 Бес вернулся к монаху открыть тайну Слова	49
Глава 26 Что услышал князь Всеволод за закрытой дверью	51
Часть 2 У Лукоморья дуб зеленый	54
Глава 1 О том, как Царскосельском саду неожиданно появился кот ученый	55
Глава 2 О том, как юноша выяснил, что кот говорящий и много еще чего другого узнал	57
Глава 3 О том, как к нему во сне пришли Руслан и Людмила и много еще кто	59
Глава 4 О том, как все менялось до неузнаваемости, и он ничего не мог поделать	61
Глава 5 О том, что сделал и чего не сделал побежденный учитель	63
Глава 6 О том, как никто ничего не мог понять, и портрет волхва остался незамеченным	64
Глава 7 О том, что творилось в то время в заповедном лесу	65
Часть 3 Начало века	66
Глава 1 Под Грезы Шумана и зыбкий стон Шопена	67
Глава 2 Свершилось	69
Глава 3 Рядом с гением	70
Глава 4 В плену у Мертвой царевны	72
Глава 5 Мой Демон	73

Глава 6 Поэт и Художник	75
Глава 7 Встреча в ресторане	77
Глава 8 Я пришла к поэту Несколько лет до того	80
Глава 9 Явление поэта	82
Глава 10 Я послал тебе черную розу	84
Глава 11 Москва. Переделкино	86
Глава 12 Париж. Старая усадьба	88
Глава 13 Париж Опоздавшие	90
Глава 14 Убивший дракона	92
Глава 15 В метели карнавала	94
Глава 16 Крушение мифов. Гибель Незнакомки	97
Глава 17 Я не буду таким	99
Глава 18 Пошли мне второго	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Кот из бездны Антиутопия Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-0062-6578-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Никогда не писала антиутопий, всегда они получались все-таки утопиями в финале, когда объявили конкурс, вот и подумалось, а не захватиться ли на этот странный жанр.

И было для антиутопии несколько предпосылок. Хотя все начиналось с кота, наследственного кота, изъятого мной лично по требованию издателей из всех произведений, а черного кота было много в самых разных текстах, пробрался он туда, прижился, и уходить не собирался.

.Простится ли такое? Но конечно, ни один кот виноват, нечего на кота пенять, когда все мы стоим на краю пропасти. Кот стал только последней каплей, переполнившей ту самую чашу. Остались мы без царя, без адмирала, без знаменитого поэта, расстрелянного в августе 1921 года, с разрушенной до основания литературой, которая уже и не ладан-то не дышит.

Не воскресить мёртвую царевну поцелуем, не разбудить. Вот и летит все в бездну в ужасном 21 веке, какая там утопия.

А потом приснился А.С.Пушкин с рукописью «Руслана и Людмилы» в руках, той, которая могла бы стать славянским эпосом, но не стала, и тот кот присоединился к этому, хотя они никогда не ладили, а тут взяли и поладили, ну и вернулся снова в самую горячую точку Фауст с Маргаритой. А ведь он пришел, чтобы с нуля построить свой мир, не так ли. Значит, утопию написать, никак не получится.

И хотя на помощь я позвала Гекату с Эридой, как без них, и Одиссея с Прометеем, но эпохи Возрождения на этот раз не случилось. Вот уж точно, «все теперь против нас», но разве не мы сами виноваты в том, что творили?

Вот и получите антиутопию и живите, если сможете.

Часть 1 Созвездье черного кота

Глава 1 Начать сначала не получится

Часто у историй не бывает финала, но чтобы начать ее не с начала, это надо еще постараться. А у нас с вами это именно такая история получается. Писательница Алина прекрасно знала, что начать ее сначала не получится.

Она поняла это в тот момент, когда большой черный кот протиснулся сквозь трещину разбитого зеркала.

Если к вам коты приходят какими-то другими путями, то Барс пришел к ней в очередной раз именно так. Неожиданно, да, но путь его был неизменен.

Обрадоваться наша писательница явлению черного кота не успела, потому что он был зол, как сто чертей, просто рвал и метал. И надо сказать, что у Барса на то были свои причины, очень уважительные причины, тут бы не только черный кот, но белый и пушистый ангел взбеленился, а что о черном коте говорить.

Кот уселся напротив нее и смотрел не мигая. Переглядеть его вряд ли получится, особенно если ты страшно перед ним виновата, и он явился, чтобы тебе о том напомнить. Такт не был сильным качеством кота, да и о чем говорить, если мир не просто стоял на краю пропасти, а летел в ту самую пропасть. И никто не сомневался, что теперь он туда точно улетит.

№№№№№№№№

Вы уже догадались, что наш кот был говорящим, хотя упорно молчал, можно было подумать, что он потерял дар речи, но Алина так не думала, это все его вредность, переходящая в ярость. И это надо было как-то пережить и пережить.

– Да пойми ты, наконец, у меня не было другого выхода, чтобы книга увидела свет, а мы с тобой зря что ли четверть века трудились, тебя нужно было оттуда убрать. Иначе гори оно все ясным пламенем, ничего бы не получилось вовсе. Но настанут добрые времена, и я тебя туда верну, обязательно верну, вот честное слово, верну.

Кот молчал, теперь искры сыпались то ли из глаз его, то ли из усов, трудно было понять на первый взгляд, откуда они сыпались

А писательница не могла молчать.

– Я долго сопротивлялась, я делала все, я пыталась, я старалась, но ничего не вышло. Времена утопий прошли, наступили времена антиутопий. Но это ведь не конец света, я надеюсь, что это не конец света.

Кот молчал, словно старался уверить ее в обратном А она надеялась,

Но надежда таяла и камень, который Сизиф упорно катил в гору, срывался и летел вниз. И в какой раз такое случилось, герой давно сбился со счета.

Глава 2 А кот молчал

– Кот молчал, ему хотелось, чтобы она все выложила, а потом уже врезать словом, ну бить писательницу, свою писательницу, хоть и предательницу, он не собирался. Даже к штыку приравнять перо не хотел. Только она должны понять и прочувствовать все, что натворила, и само собой, как-то исправить положение – вернуть кота на страницы книг.

– Интересно, как мне его исправить, может, ты подскажешь и поможешь, ты же у нас такой умный.

– Сама накосячила, сама и исправляй, – наконец подал голос кот, молчать слишком долго он никак не мог, так язык мог присохнуть, как бабушка Яга говорила.

– Да я уже кое-что придумала, – отозвалась она, радуясь, что он все-таки заговорил.

– Боюсь даже спросить что именно, – изрек кот

– А что мне еще оставалось делать, не одного же тебя запретили, всю твою компанию тоже, я осталась совсем одна, осиротела. Ты пропал, они носа сюда не показывают, а вот Фауст отозвался и спутник его тоже. Это не самый лучший, но хоть какой-то выход из безвыходного положения.

Кот захохотал.

Если вы сомневаетесь в том, что коты умеют хохотать, то когда-нибудь услышите смех Лжебарса и поймете, что еще как умеют

– Он веками сидел и ждал, пока про него хоть кто-то вспомнит. Он снился всем подряд писателям, рыдал, зная, что больше никто и никуда его не позовет, как наших испугавшихся патриотов. А тут такая удача, нас всех запретили, а перед ними открылась дорога в погибающий мир. Ну что за прелесть эти времена глухие, когда и Фаусты в цене.

Кот произнес целую речь и сам себя оборвал на полуслове, что это он разговорился, когда мир рушиться окончательно и бесповоротно. И все-таки он прибавил:

– Увижу я, как будет погибать любимая моя отчизна,

Я буду одиноко пировать над бытия ужасной тризной.

И он так тяжело вздохнул, и казался таким опечаленным, но одухотворенным, что Алина вздрогнула.

– Ты, правда, думаешь, что мир погибает, что мы ничего больше для него не сможем сделать?

– И это говорит та, которая поставила на мне крест, выкопала покрытого мхом беса, и с его помощью решила спасти этот мир. Это ли не настоящее безумие, Мефистофель тебе точно поможет, вне всяких сомнений.

– Но вы в прошлый раз тоже не спасли его, как и раньше, – напомнила она наглому коту, ведь он в ее глазу соринку видел, а в своем бревно не замечал

– Не спасли, – согласился кот, – но мы хотя бы старались.

– Плохо старались, – буркнула Алина.

– Может и плохо, но не хуже твоего будет. Вот теперь и посмотрим, как твой Фауст вас всех спасет.

Кот был прав, а если бы и не прав, то и тогда с ним спорить бесполезно.

– Ладно, хватит шипеть, давай подумаем, можно ли хоть что-то предпринять для того, чтобы спасти мир.

– Да ничего нельзя сделать, – отрезал кот, – но мы все равно не будем сидеть сложа лапы, с этим я согласен. Не зря же к тебе пробирался, вон весь поранился.

Алине показалось, что он сменил гнев на милость, но доверять Барсу было глупо, кто бы в том сомневался.

– А не доверять опасно, – напомнил он, – кот все еще прекрасно читал ее мысли., как она могла о том позабыть?

Такой была их очередная встреча. Веселого мало. По поводу апокалипсиса он вряд ли шутил. Но разве надежда умирает не последней? В душе писательницы она пока умирать не собиралась.

Глава 3 Остальные подтянутся

Недолго Алине удалось наслаждаться беседой с котом, прошло совсем немного времени и в дом ворвалась дама в черном. Ворвалась в прямом смысле, ей никто не открывал дверь, а та была закрыта, как обычно в наше смутное время. Она просто нарисовалась и ожила перед ними.

Понять по прикиду, кто она такая, откуда, но то, что дверь не перепутала, улицу, город и век можно было не сомневаться. С самого первого дня знакомства кот знал, что писатель, настоящий писатель, может вытаскивать героев из той реальности и переносить в наше время. Разве он сам не таким же образом тут оказался?

А так как написала Алина море книг, то так сразу понять, кто эта героиня, из какой книги было не так просто. Сама она не представилась пока, оставалось только гадать на кофейной гуще. Вот бы с Баюном посоветоваться, он-то наверняка все знает, и куда только подевался, интересно наш кот ученый? Его-то никто ниоткуда не изымал.

Но и сам Барс без помощи Баюна догадывался, что это одна из последних и любимых ее героинь. Так уж вышло, что в последнюю пару лет, достала Алина смеха ради старую рукопись, которую ей лень было перепечатывать и все-таки сделала это, и бросила в сетевое море. Но чуть ли не с первого дня та самая рукопись и затмила все, что там было до нее. То ли искали добры молодцы каких эротических сцен и подробностей, то ли просто так карты легли, но ее читали и чем дальше, тем больше. Верите, не верите, но так и случилось.

И у главной героини всегда есть подруга рядом. Надо признать, что ее Алина выбрала очень неосмотрительно, потому что этой самой подругой стала не Афина и не Гера даже, что было бы полбеды, а именно богиня Эрида, как она такое терпела до сих пор не понятно, но как-то все-таки терпела. А вот теперь, в том не было сомнения, решила Эрида отомстить, ведь любому коту известно, что месть – это закусон в холодном виде.

№№№№№№

И хотя незнакомка была в каком-то средневековом наряде, но в том, что это одна из двух богинь сомневаться не приходилось, оставалось только решить, Геката ли это или Эрида, хотя если помедлишь с решением, то дождешься и вторую.

Кот укоризненно взглянул на писательницу, мол, с тобой покой и не приснится даже, и произнес:

– Ты тут всех чудовищ навывываешь, а что мы с ними потом делать станем? Со мной одним сколько мороки, а если нас будет целая толпа. Я тебе не завидую, дорогая.

Алина растерялась

Кот подошел поближе, а говорить стал тише, чтобы незнакомка их не слышала, или только делал вид, что хочет что-то скрыть, коварство и притворство у него было в крови, интриган хвостатый.

– Надо узнать, кто это и что нам с ней потом делать. Помирать тоже можно по-разному, а я хочу красиво.

– Какой смысленный у тебя зверь, мал да удал. Он должен знать, что в романе об Одиссее мы с Эридой стали врагинями, да и могло ли быть иначе, если на сцену выходит такой герой..

Так она ответила не только на вопросы кота, но и сказала значительно больше, конечно, для тех, кто умеет слушать и понимает тайные смыслы.

И кот подхватил эти ее слова, вполне довольный своей проницательностью.

– Улисс не позволил тебе написать роман о Прометее, и эта главная твоя ошибка. Так аферисты всегда вмешиваются в судьбы даже людей в других измерениях и поколениях. А потом и случается конец света. Прометей тебе и нам этого не простит, но что с писательниц возмёмшь,

им Одиссеев подавай, хоть тресни, – возмутился кот, размахивая лапами в разные стороны, да так, что в комнате даже ветер поднялся.

– Мне писалось легко, и я решила, что успею, – стала оправдываться Алина.

– Все, что легко и вкусно, не всегда полезно, – изрек кот, – пока я уверен только в том, что она не Маргарита. И что Одиссей твой дорого заплатит за то, что они там натворили.

Богиня таила молчание, хотя они убедились, что она понимала их речь и могла говорить.

И все же молчала Геката не долго.

Глава 4 Она не Маргарита

Тем временем Геката повернулась к Алине и спросила, кто такая Маргарита. Ей и правда, было интересно это знать.

– Это случилось значительно позднее вашего бытия, когда немецкий доктор решил вернуть себе молодость, он и встретил девицу, которую соблазнил и бросил, а ей пришлось расправиться с ребенком. За что она и оказалась в тюрьме.

Фауст вместе с бесом, ну сатиром, по-вашему, пытался спасти ее от казни, но она выбрала смерть тогда. И это был не правильный выбор, потому что потом Маргарита обречена была возвращаться, чтобы исправить свои прежние грехи, они в каждой новой жизни встречались с Фаустом, и герои смогли как-то преобразиться, что-то исправить. Она и теперь появляется в самых горячих точках и пытается спасти этот мир. В прошлый раз им с Фаустом это не удалось. Пришлось спасаться бегством, но они не отступают и не сдаются. И так будет до конца света, кот прав, мы скоро их встретим снова, я в том не сомневаюсь.

Геката задумчиво смотрела на писательницу, которая в последнее время не давала ей покоя, хотя нельзя сказать, что богине тьмы это не нравилось, скорее наоборот, она включилась во все происходящее с большой радостью, как в последний раз. Хотя это и на самом деле был последний раз.

№№№№№№

– Его больше не спасти, – размышляла вслух Геката, – и это наш с ней прощальный визит, мы могли бы оставаться дома, и там дожидаться конца света, или не могли бы. Наверное, всегда хочется побыть там, где ты уже был прежде, вспомнить то, что случилось, но не на этот раз. Иногда рушатся империи, порой планеты перестают существовать, тебе пришлось жить в минуты роковые, а это всегда очень печально, ведь в этой последней битве не будет победителей, здесь побеждены все.

– А я что говорил? – встрепенулся кот, – твоя богиня не так глупа, и скорее это все – таки Геката, а не Эрида. А ты сама-то как думаешь?

Барсу хотелось это скорее выяснить, но богиня знала все его уловки, ничего не говорила, только загадочно улыбалась.

Жизнь обещала быть яркой и запоминающейся, как и всегда бывает даже с простыми черными котами, а он никогда не был простым и обычным.

– Говорят, на войне все чувствуется значительно сильнее и ярче, – размышлял кот, – но любая война заканчивается миром, для тех, кто выжил, а у нас такое вряд ли случится, так что и жить, и безобразничать будем на полную катушку.

Он остановил сам себя, перевел взгляд с Гекаты на Алину и вдруг заметил какое-то едва уловимое сходство между ними.

– А ведь так и есть, – хлопнул себя лапой по лбу кот, – они удивительно похожи, хотя не сразу и заметно, а может просто я так волновался, что не замечал самого важного.

– Но как может быть иначе, ведь она творила меня по своему образу и подобию, хотя, что мне тебе это объяснять, ты сам все прекрасно знаешь.

Тогда возникает вопрос, а Эрида, она тоже похожа на вас обеих или она другая?

– Потерпи немного и скоро сам все это увидишь, – говорила Геката, намекая на то, что встреча не за горами. Ну что же, было бы обещано. И все-таки кот решил вставить свои две копейки

– Думаю, теперь должна появиться Марго, я без нее немного соскучился уже, что же такое тут творится-то.. Мы с ней столько всего пережили и прошли, что было бы справедливо, чтобы и теперь оставались вместе.

На самом деле он просто пытался отодвинуть немного встречу со второй богиней. Кот не сомневался, что это не тот случай, когда одна хорошо, а две лучше, это как раз наоборот, вполне достаточно и одной. Но все понимали, что это не во власти нашего кота. Они придут и уйдут, когда им вздумается. И кому еще, если не богине ночи смотреть, как окончательно рухнет мир, и наступит конец света, о котором говорили во все века и времена, его ждали и боялись, и радовались, что им не довелось его увидеть.

А пока, томясь в ожидании, одним когтем кот наступал на мониторе стишок, как раз в тему. А звучал он примерно так:

Бывают дни такие и века,
Когда за меч берется ангел дивный,
А Дьявол тихо молится, в руках,
Сжимая, словно четки, наши зимы.

И вот тогда в печальной тишине,
Мы все, у бездны замерев, склонились,
Корабль мертвецов в тревожном сне
Нам оставляет ужас, а не милость

И мир стоит над пропастью времен,
А пленный бог не может пробудиться,
И снова снится тот печальный сон,
Мелькают палачей в тумане лица,

Расстрел поэта в горечи ночной
Последней точкой станет в этом мире,
Но что же делать с миром и страной,
Когда они поэта там убили.

Корабль призрак в мире их скользит,
И исчезает, унося с собою.
Всю горечь слез, и пустоту обид,
А мир живет отчаянно любовью.

Когда она растает, как свеча,
И не оставит даже след в тумане,
Когда молитва будет горяча,
То кто-то нас с тобой еще обманет

И вот тогда, все зная, все простив,
К нам Велес из тумана возвратиться,
И песни Леля зазвучит мотив,
И снова первозданный мир родился.

А Дьявол тихо молится, в руках,
Сжимая, словно четки наши зимы.
Бывают дни такие и века,
Когда за меч берется ангел дивный.

Глава 5 Признание Гекаты

Геката чувствовала недоверие кота, не слишком разбиравшегося в таких древних богинях, сам он, судя по всему, был из новых русских котов. И хотя она подозревала, что за такой личиной скрывается Баюн, но потом поняла, что он либо слишком хорошо скрывается, либо тот еще появится, если приглядеться, то этот был очень мало похож.

Узнай об этом Барс, он сильно бы обиделся и рассердился, но он ничего такого не знал и не ведал. И она решила больше не интриговать и не скрываться. Не очень хорошо морочить головы тем, к кому ты явилась в гости, тем более, что в ближайшее время все встанет на свои места, Эрида точно не заставит себя долго ждать. Возможно, она уже была тут, но пряталась и выясняла, что да как тут происходит.

Тогда она и заговорила:

– Корабль мертвецов уже в пути, никто не сможет его повернуть назад, но всегда можно спасти кого-то, если сильно постараться, я выбрала тебя. Мне не хочется, чтобы ты исчезала без следа, это не справедливо. Ведь до тебя никто и никогда в этом мире не написал про меня дюжину романов, не сделал главной героиней, у всех была, как у бедняжки Париса, Афродита. Кто-то хватался за Афины и их можно понять. Только ты одна смогла подкупить меня своим вниманием, и пусть я слишком хороша там, да еще поэтесса, но сразила, ничего не скажешь, наповал.

– Нажив врага в лице Эриды, – напомнил им кот, – ему показались приторными эти сладкие речи грозной богини. Кстати, хорошо, что она своих псов не прихватила, а то бы ему пришлось смыться и спрятаться, ее псы любили котов еще меньше, чем все остальные псы. А таких противных, как он просто бы на лоскутки порвали.

Геката посмотрела на него, словно забыла, о чем она там говорила, и кот решил вставить свое веское слово в образовавшейся паузе:

– И меня не забудьте, когда спасаться будете, – напомнил Барс, – не хочу на тот самый корабль мертвецов, я уж лучше с вами. Хотя компания тоже так себе, но из двух зол выберу меньшее, мы все-таки уживались неплохо, пока эти проходимцы не появились, и не пошло все наперекосяк. А я стал нелапопожатным.

– Ты домаюкаешься, что никуда тебя не возьмут, – усмехнулась Алина.

– Нет, вы уж заберите, хотя на писательницу я сильно не надеюсь, она меня отовсюду успела выкинуть. Но ты – то солидная богиня с мозгами, не Гера какая-нибудь – кот оглянулся по сторонам, вдруг и Гера тут тоже. Тогда она точно из него второго Геракла творить начнет, а то и сразу к Церберу отправит, вот это будет спасение.

NoNoNoNoNoNoNo

Улыбка Гекаты заставила его подумать о том, что он на верном пути. Ведь и Алина не зря выбрала не Афины, а эту суровую богиню.

Он стал припоминать, как это было? Если память ему не изменяла, то роман появился чуть ли не самым первым, возник каким-то необъяснимым образом сразу после того, когда она написала роман в стихах о творении мира, и вдруг Геката. Конечно, это логично, сначала была тьма, и богиня тьмы должна была быть на этой сцене. Но когда это писатели, а особенно писательницы подчинялись логике? А вот ведь написала, напечатала не сразу, но опять же напечатала, и как все хорошо закончилось для них для всех, если конец света можно называть хорошим делом, что очень сомнительно, и все-таки.

Они последними уйдут во тьму, и может быть, там как-то пристроятся еще, хотя у кота не хватало фантазии понять, что и как там может быть, но все-таки, все будет хорошо, – решил про себя он.

Дверь в то время скрипнула, даже взвизгнула, чего никогда прежде не было, значит снова пришел кто-то из разбитого зеркала и просто хочет о себе таким вот образом напомнить?

Интересно кто же это может быть, Мефистофель или богиня раздора? А кого бы он хотел увидеть раньше? А точно никого, но сие от его желаний никак не зависит.

И вот они выходят из тумана
И окружают плотную стеной,
Все те, кого писала неустанно,
Кем я была, и кто казался мной.
Сменяются события и эпохи,
Сражаются и боги и князья,
Рождаются и гибнут там пророки,
Но с ними буду неразлучна я.

О, девы грез, погибшие, вы живы,
Вы на страницах книг моих в тиши,
И как бы славно пировать могли мы,
И на Олимпе и в ночной глуши.
Вы тайны мне доверили когда-то,
Я с вами этой осенью была,
Переживали беды и утраты,
Сражались, если наступала мгла.

И «Слово» там, в Путивле написали,
И ссорились с отцами, как всегда,
А смерти, умножавшие печали,
Нас обходили, знаю, иногда,
– Твой Игорь из полона не вернется,
Владимир твой женился на царевне,
Гаральд в последней битве задохнется,
И кажется нет сил и вдохновенья.

Но ты на сына молча посмотрела,
И понимала, рано уходить,
Еще твоя звезда не отгорела,
Еще тебе сражаться там и жить.
А мне писать о том, что с вами было,
Что быть могло, но не случилось вновь.
О, как она отчаянно царила,
Над этим миром колдовская ночь.

Сегодня мы устроили пирушку,
Как шумно в тихом доме за столом.
Чуть позже будут Лермонтов и Пушкин,
И мы еще былины пропоем

Глава 6 А вот и Мефистофель

Наверное, писатели, это люди, которые и в пустой комнате никогда не остаются в одиночестве. Не потому ли они никого никогда не ждут и часто рады тому, что так случилось. Одиночество невыносим для обывателя, для творца оно – великий дар, и его никогда не бывает много. К ним загадывают, чтобы почаёвничать, их герои, и все у них складно да ладно получается.

Кого же мы любим больше, чем тех, кого сотворили сами, Пигмалион не даст соврать, и не его вина, что Галатя оказалась такой строптивой. И живет творец с одной мечтой об идеальном творении, о собеседнике, о самом любимом и близком герое. И ради этого столько приходится написать и пережить, именно пережить, потому что ничего не пишется просто так.

Легкость бытия обманчива, легкость творчества обманчива вдвойне, но читателю о том не обязательно знать, пусть он внимает и наслаждается историей и живет в ней по праву соавтора.

№№№№№№№№

Но кот не мог припомнить, чтобы знакомых и незнакомых было так много, как в те странные дни. Кажется, они сговорились и все решили встретиться в доме у писательницы, чтобы ни минуты покоя. Говорят, перед концом света не надышишься. Но ведь передышка какая-то все равно должна быть.

Кот правильно назвал одного из визитеров того дня, Эрида пока не показывалась, а вот Мефистофель нарисовался, явился, не запылится.

Но в этом ничего удивительного, после Гекаты в творениях Алины он был на втором месте вместе со своим Фаустом, и если тот звал его три раза, то Алина обращалась к нему постоянно. Трудно сказать, лестно ли это было ему или наоборот. Похоже, что он с этим смирился и просто выполнял свою работу, как сейчас принято говорить.

Но в данный момент Мефистофель влетел пулей в квартиру и был явно в ярости. Даже скрыть ее не пытался.

– Что это за беседы о спасении при конце – то света? Не позволю никому спастись, погибать так всем вместе. И не смейте даже думать о том, что кто-то из вас спасется. Мы будем все начинать с чистого листа.

Пудель присел рядом с ним, и добродушный пес на этот раз казался злым, даже свирепым. Видимо они оба что-то почувствовали и переругались еще по дороге.

Кот тихо рассказал богине, что это за тип и почему он зол на весь мир.

– Развелось тут бесов разных, так что котам деваться некуда, не позволит он, а это мы еще посмотрим, кто кому и что позволит, – ворчал кот, – Ты еще попляшешь, когда появится Баюн, уж он и не таких со света сживал.

– Ты Баюном не прикрывайся, он уже на том самом кораблике, который за тобой идет. Привыкает, обживает, у него мозгов побольше будет, потому и не сидит тут, перед смертью все одно не надышишься.

Но Барс ему не верил ни одной минуты, потому что большего лжеца ни в каком мире не сыскать.

Они всегда жили, как кошка с собакой, но когда еще вмешивался бес, дело было совсем дрянь, а в такие тревожные минуты особенно. Тут и подвойники, не только живые, потеряют покой.

Глава 7 Старые друзья

Но в отличие от кота, Алина к Мефистофелю относилась с любовью и нежностью, потому что свиреп он был только для вида. А тут она почувствовала скорее тревогу, чем ярость, и улыбнулась одним лишь ртом.

– Ты не кипятись, коту есть на что обижаться, выбросила я его отовсюду, но с тобой – то мы живем душа в душу всегда, ты вон заменил его везде, и грех жаловаться, посочувствовать ему надо.

– А я не просил заменять, мне и так было хорошо, а теперь носись по разным временам и странам и спасай вас всех. Все копыта посбивал давно.

– И когда ты и кого спасал, интересно, – снова не выдержал кот.

Бес за словом в карман не полез.

– Правильно, не надо мне было спасать, но приходилось, потому что зла всегда было больше, чем надо, и мир рухнул бы давно, если бы не спасал. Вы бы и своего Пушкина не узнали, если бы я спасать не начал, – снова повторил он и расстроился еще больше. Никогда и никто не умел ценить трудов его тяжелых даже не пытались.

– Да что теперь о том говорить, – махнула рукой Алина.

Геката же усмехнулась:

– Я думала, у нас были боги противные и капризные, но что пришло им на смену, боже мой, это же вообще никуда не годится.

– А зачем ты Эриду сюда притащила, – набросился на нее Мефи, – нам, что без нее бед мало.

– Ты не каркай, Эриды тут пока еще нет, но с твоей легкой руки скоро точно появится, – тяжело вздохнул кот. Он лучше других понимал, что так бес пытается выяснить тут Богиня раздора или нет, и вовсе он на нее не сердится, у них отношения такие, когда от ненависти до любви один шаг, а может и меньше.

Мефи стыдно было признаться, что он не только перепутал богинь, но и не ведает, кто перед ним стоит, но он даже вида не показал, что все это так.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Компания побиралась, конечно, странная и прикольная, но только не хотелось им поминать вот в такой обстановке.

В квартире повисло молчание, все они словно кого – то ждали, и ждали они, конечно Богиню Раздора. А Мефистофель томился в догадках, кто эта

темная лама – Никта или Геката. Он плохо знал мифы греков, а то, что знал, успел позабыть основательно. Ну и даже не это главное, а то, что они могли меняться и принимать любой облик, вот и угадай, и запомни, кто есть кто.

Глава 8 Подруга Мефистофеля

Эриду звали и ждали не зря, когда все трое взглянули на Мефистофеля, за спиной у него они обнаружили Эриду. Если Гекату можно было перепутать с Никтой, то ее вряд ли с кем – то перепутаешь. Богиня просто не позвонит вам сделать этого, и в первые минуты напомнит о себе

И бес сразу оживился, похорошел, вдохновился

– Вот кто поможет мне во всем и помешает вам спастись, – заявил он, – без тебя все пойдем прахом, а с тобой мы все-таки готовы победить.

И хотя богиня загадочно промолчала, но сомнений в том, что так и будет, не возникло.

Алина только теперь, глядя на все это безобразия, стала понимать, что она вызывал в погибающий мир такие ужасные силы, и все ее 7 романов написаны были не просто так, по прихоти или капризу. Их герои просили, а порой требовали, чтобы древние богини появились тут и хоть что-то для них сделали, вот они и явились. И все это не просто так творилось, когда-то они смогли стереть признаки Средневековой дикости и вернуть мир к жизни, когда наступила эпоха Возрождения. Мир воскрес из пепла, стал новым и прекрасным.

Но смогут ли они сладить с такой силой теперь, когда ничего нельзя повернуть вспять. Одно дело управляться с ними в романе, совсем другое в жизни. Нет, у нее не было ни сил, ни вдохновения, ни просто жизни самой, она словно уткнулась куда-то сквозь пальцы. Чувствовалась только вина от того, что все так случилось, и она еще застала то самое время. Но пока все выясняли отношения, только Барс следил за ней внимательно, преданный ею много раз кот не отступал и не сдавался.

№№№№№

– Да не кисни ты, – цапнул ее Барс, – помирать будем так с музыкой, смотри какая у нас похоронная команда.

– Тебе бы только шутить, а ведь все это так серьезно, – тяжело вздохнула Алина, – мы жили и даже не задумывались, что день грядущий нам готовит, что выйдет из-под пера нашего и как это на жизнь повлияет, а вон что оно получилось.

– А чего ты хотела, когда с такими поведешься, даже Пушкин, помнится, оказался бес- силен, а ты не Пушкин.

Это называется, поддержал. Хотя Алине не было дела до сомнительных комплиментов кота, она и не к таким давно привыкла. Да и прав он был, ведь она не Пушкин, но становилось все печальнее и тревожнее. А печаль, смешанная с тревогой, это такой горький напиток, он не просто пьянит, он сбивает с ног.

Но они повернулись к Мефи, восседавшему на широком диване рядом с богинями. Тот объяснял им, кто такой Пушкин и почему на него ссылается кот, что он такого сделал, и чего не сделал, при этом он проявил поразительную осведомленность, словно бы заглянул в Вики- педию, забив это имя тайком на незримом мониторе.

– От него все ждали славянского эпоса, а он переключился на северные мифы, потому что те было можно публиковать, а эти нет, вот нельзя и все, они казались опасными, такими до конца и оставались. Вот и доигрались, до запрещались. Это было не единственной, но важ- ной причиной того, что случилось, что мы переживаем тут теперь, – прибавил он, ведь если даже цветок сорвать в прошлом, бабочку убить, и тогда все переменится, а если все поставить вверх дном.

Кот заёрзав на месте, пес стал за ним следить, потому что, как и все собаки, котов он не любил и опасался их коварства, но волновался пес напрасно, Барс все думал о своем, о коша- чьем.

– Пушкин пришел в мир, чтобы славянство осталось самим собой, но это его страшная драма, он этого не смог сотворить. И он понимал, к чему его предательство приведет.

– Он-то понимал, – промурлыкал кот, – а вот некоторые не понимают и теперь уж и не поймут поди никогда, времени у них на то не осталось.

И ответить Алине было нечего, кот был прав, если даже был и не прав, но он был прав.

Недавно она писала поэму о последнем дне Пушкина, и там было все довольно хорошо изложено, многие хвалили и восхищались. Да она и сама знала, что в последние годы стала его чувствовать прекрасно

Февральская метель. Последний монолог

*И больше ни звука, ни вздоха, ни взгляда,
И мечется где-то в тумане Дантес,
А кто это тут? И учитель лишь рядом,
Таков ли финал им написанных пьес?*

*Все было так странно, так зло и нелепо,
Но это случилось, и адская боль
Уносит куда-то в свинцовое небо,
А им остаются тоска и юдоль.*

*Их после охватит метель, завывая,
Пока ж император печален и зол.
Но только и он никогда не узнает,
Как к огненным рекам в тумане я брел*

*Чего-то хотел и напрасно пророчил,
Вдыхая болот неизменную хлябь.
Покой? Но теперь и покоя не хочется,
И ярость, и горесть, на Мойке сошлась*

Та публика, кто-то стоит у окошка

Зачем они здесь, в этом жутком чаду?

*Открой, пусть шумят, я побуду немножко
Средь них, а потом в неизвестность уйду.*

*Но где же Данзас, да какая морошка.
Мне холодно, жарко, и снова мороз,
Впустите жену, пусть побудет немножко,
Но только без воплей, без стонов, без слез.*

*Мне Аннушка снилась, какая не помню.
И все-таки снилась плутовка опять,
Как пусто в провалах покинутых комнат,
И флейта еще продолжает звучать.*

*Русалка утопит седого монаха,
И слышу пронзительных строк торжество,
А небо молчит, нет ни слова, ни знака,
Как долго смотрел я тогда на него.*

*Февраль, говоришь, значит, марта не будет,
Печаль и покой, и туман забытья,
В прихожей толются какие-то люди.
Но мир обойдется теперь без меня.*

*А дети, что с ними, какая досада,
А книги, прощайте навеки, друзья.
Но кто это там, в пустоте снегопада,
Сальери, о горькая доля моя.*

*Но нет, не уйду я, мы будем стреляться.
Как мог промахнуться, какая досада,
Спустились с небес, или только мне снятся.
За мною мой Дельвиг и Пестель, не надо.*

*А впрочем, судьба за меня все решила,
И Реквием, слышите? Это за мной,
Лишь книги и музыка – вечная сила,
Они вдохновенье несут и покой.*

Глава 9 Приговор Эриды

Настроение кота передалось и богине раздора, она долго молчать не собиралась, зря что ли сюда отправлялась? Да и когда и где она вообще молчала?

– Мне не нравится то, что ты писала, я все время в тени и все время проигрываю, зачем нам такая жизнь и такая вечность? Нет уж, пусть весь мир погибнет, и мы погибнем вместе с ним. А если придется очнуться в новом, тогда и перепишешь историю, не ты, так другой писатель найдётся.

– А много у тебя было других писателей, которым ты была так интересна? – ехидно спросил кот.

– Нет, но меня хотя бы не выбрасывали из уже готовых рукописей, – решила не сдаваться она.

– Вот именно, выбрасывать было некого и нечего, – отвечал он, чувствую свою правоту.

Кто и когда мог бы переспорить кота? Эрида только усмехнулась, решив, что чуть позднее он еще попляшет. Странный это был кот, кто бы еще решился с богиней поспорить, но он совсем берега попутал, ему и море было по колено.

NoNoNoNoNo

Но обстановка накалялась, хотя пока еще ничего такого и не происходило. Даже Мефи немного поежился, ему не хотелось, чтобы все было так скверно и так скоро закончилось. Но деваться некуда, пусть все идет своим чередом, а они по ходу помогут ему или помешают, это как получится. Никто, даже он сам ничего не мог знать заранее, праздное это дело, все в один миг переменится, и надо будет все перерешивать снова.

– Пока у нас все как обычно, не прогуляться ли нам по городу, вы тут наверняка не бывали, я был довольно давно, вот и посмотрим, что правда, а что пиар только черный для славного града Ермака и последнего адмирала, расстрелянного негодяями.

Богини с радостью согласились, и они растворились, словно их и не было в квартире Алины минуту назад. Тут оставался только пудель, то ли его специально оставили, сторожить писательницу и кота, то ли забыли как старика Фирса на даче. Но они его как-то и не замечали, им надо было так много обсудить еще, встретить и остальных гостей, конечно, если они соизволят явиться. На похороны мира не всем хочется приходить, не веселое это дело. Лучше спрятаться где-то и там пересидеть. Но что гадать на кофейной гуще, скоро все и так станет ясно и понятно.

NoNoNoNoNoNo

Когда Алина очнулась от своих раздумий, то в доме она нашла только Барса. Стоит только погрузиться в себя и в мире все изменится в один миг.

То ли коту некуда было деваться, и он сжился с Алиной, то ли просто решить быть верным до гробовой доски, другой писательницы все равно на горизонте нигде не было, потому он и оставался тут, и считал себя самым важным персонажем. А может, как Медведь из известной сказки хотел снова стать самим собой, а не каким-то непонятым котом без роду и племени. Да и понимал он хорошо, что бочку катить надо на тех, кто запрещает, а она тут никаким боком не причастна. Борьба с ними со всеми – дохлый номер, конечно, но могла бы и побороться все-таки, за такого кота и сражаться не грех вовсе.

– И все-таки ты виновата, – задумчиво начал он размышлять вслух.

– Интересно в чем? – не выдержала Алина, она знала, что он будет тянуть кота за хвост, но так ничего не скажет, потому что мечтает, чтобы она его попытала немного.

– Вот если бы ты начала с Прометея, то может быть до Одиссея бы не дошла, и богини не стали там врагами, глядишь и история бы по-другому пошла.

Ну, кот, ну плут, он решил на нее всех собак свешать, она даже улыбнулась при мысли такой.

– Армагеддона бы не было? – поинтересовалась Алина

– Да куда бы он делся, но обе богини были бы на нашей стороне, а это совсем другое дело. Теперь и Мефистофель с ними ногу сломит, а я даже братья не стану, пусть что хотят то и торят, окаянные.

С ним трудно было спорить. Кот всегда прав. Если кот не прав, читай пункт первый.

Глава 10 Богини в городе

Город богиням понравился. Они слышали много темного и странного о нем, и, как и все, кто его потом посетил, были приятно удивлены, ничего тут не было такого ужасного и страшного, все довольно мило даже, вдохновенно и уютно.. Недаром говорят, что черный пиар значительно эффективнее, чем обычный. Это открытие им обоим пришлось по душе. Тьма была первой, ею все и закончится, с этим ничего не поделать.

– Ну вот, а вы боялись, конечно, жаль, что он исчезнет с лица земли, столько тут Алина всего написала, музей под открытым небом получился не больше, не меньше. Они уселись на лавку около Драматического театра, и смотрели прямо на музей ИЗО, расположенный напротив. И это было красиво и эффектно.

Бесу хотелось, чтобы богини его таким вот и запомнили – мир между театром и музеем, машины, снующие туда и обратно, сероватое небо, и памятник художнику. Самому главному в мире художнику, хотя бы потому, что у него не только лучший Демон на свете, но и сам он из их числа. Вот и пришлось приоткрыть для него завесу тайны, и показать тот незримый мир, который видел до него только строптивый гусар, он мог стать выше Пушкина, но не стал все-таки. Слишком рано убрала его незримая рука судьбы и рока.

Откуда Мефи знал судьбу гусара? А кто его беса знает, но приобщался, изучал, читал, может быть, роман Алины, наделавший столько шума в отдельно взятом городе и не только в нем.

Но ошибка горожан и их генерал губернатора была в том, что они приняли опального писателя, который ненавидел вообще весь мир, а тут еще на каторге оказался, вот и назвал он славный уездный город мертвым домом. А потом они не могли выбраться из этого проклятия. Театр, правда, жил и здравствовал, художники не бедствовали, а писатели ну никак не могли тут творить. Словно они все гении, о бездарностях и говорить нечего, не понимали, что сначала было Слово, а все остальное потом, чтобы вещь появилась, сначала ее надо НАЗВАТЬ.

Так вот с этим словом ничего и не вышло совсем, оно мертвело, пропадало, стиралось из памяти, оно не приживалось, как изуродованное растение не может прижиться в мире. И самое страшное, что нет никакой надежды на то, что оно оживет и воспрянет. Пушкин дико заблуждался, когда говорил, что все ещё будет, что все в этот мир вернется, а замученный в лагерях поэт и вовсе твердил, что минувя внуков, уйдет к правнукам его творчество. Как горько ему теперь было на все это смотреть, вероятно. Не только не ушло, но разрушили мир правнуки, не дождавшиеся его замысловатых стихов.

Глава 11 Прогулки и открытия

Мефи заметил, что они не только слышали, но и понимали его мысли, ведь в тот момент он глубокомысленно размышлял о слове и жизни, о первой и второй реальности.

– Думаешь все из-за упадка литературы вышло? – спросила Геката, которая и сама к этому была причастна, ей ли не знать всю ее важность и значимость от начала времен до наших дней. Она была поэтессой, и написала то, о чем слепой Гомер и не догадывался даже.

– А что тут особо думать, если не названо что-то, не озвучено, не написано стихотворение или рассказ о том самом явлении, то оно перестает существовать в жизни. Его можно изобразить на стене, можно втиснуть в музыку, но никто ничего не поймет, Слово было началом всех начал. Кто-то не знал этого, кто-то знал, да старался не думать и не говорить, так все и начало разрушаться, не сразу, постепенно, но стало со временем неизбежным.

– Где ж ты раньше был, голубчик, я бы уже давно с этим миром расправилась, если бы знала, с чего начинать. Но темна была, не понимала, что надо было за слово браться.

– А вот там и был, – он ткнул пальцем куда-то, непонятно куда. – Пытался все удержать, показывал, рассказывал, сны им вещи посылал, хотя должен был делать обратное. Мне за это попадало страшно, но не останавливался все равно, танком шел вперед. Но больше и я не могу сдерживать всю эту махину, камень падает с горы, и, кажется, он придавил Сизифа, поднять его туда больше некому. Кто же еще так очумело хотел жить и вернуться в этот мир? А у остальных и воли к жизни не осталось. Но их трудно в чем-то винить, над этим потрудились страшные силы. Если у нас будет время, я расскажу вам историю и про Пушкина, и про Феликса, добившего то, что не удалось прежде.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Геката готова была разрыдаться, а Эрида рассмеяться. Но такими обреченными они обе не были никогда. Кажется, до них стало доходить, что это конец, что ничего больше не будет никогда, а ведь жизнь была по-своему прекрасна, если честно.

Как страшно, когда главную тайну узнал слишком поздно, ничего и никак больше не изменить. Словно кто-то решил посмеяться и поиздеваться над тобой. Но нечего на беса пенять. Как Омский каторжанин, они сами были слишком беспечны, а он только помог всему этому свершиться.

Как Геката освоила диктофон, сказать трудно, но когда она случайно нажала на кнопку, то там зазвучали стихи.

Мефи убедился в том, что ей не обязательно было их диктовать, они записывались сами собой, когда сочинялись, ну чудеса, да и только. И все трое стали прислушиваться внимательно к тому, что там в этот миг звучало.

– Не спрашивайте меня, что это за братина и что за кинжалы там у них летают, просто так все написалось само собой. Как говорят ваши поэты, кто-то диктовал мне такие вот строки.

И Геката смущенно улыбнулась. А они и не спрашивали, Мефи знал, о чем там речь, а Эрида думала о чем-то своем, не вникая в те самые детали

И ангел, летящий над призрачной бездной.
И Демон, сидящий у самого края,
Твердят в один голос, что все бесполезно,
И мир перестали беречь, не спасают.

И как-то заглохли, охрипли поэты,
А проза так редко кому удается,

И лишь Мефистофель, услышав про это,
Нам вдруг подмигнул:– Враки все, мы прорвемся

Стою на берегу, как Ермак, на рассвете,
И знаю, что все впереди, все случится,
И пишутся книги, и радуют дети,
Порой вдохновение в двери стучится.

И так обнимает ночная прохлада,
Но где-то за тучами солнце укрыто
И нам остается любовь и отрада,
Хотя и Братина, мой ангел, разбита.

И княжеский пир, так на тризну похожий,
Все снится и снится с раскатами грома,

И ангел в тумане спасти нас не может,
Когда долетают Кинжалы до дома.

Пока это сон, это я понимаю,
И надо проснуться, очнуться в романе.
И молнии где-то так ярко сверкают.
И ливень смывает тоску и обманы.

Глава 12 Одиссей или Прометей? Люцифер

Алина ждала привычных гостей. Но не для того ли она погрузилась в античность, чтобы пришли совсем иные. Осознавала она то или нет, сказать трудно. Возможно, тему ей тоже диктовали те силы, но вышло то, что вышло.

Она моментально вспомнила, как после Геракла решила писать странствия и Мытарства Прометея, но явился совсем другой герой. Впрочем, он никуда не уходил и в ее поэтическом рейтинге был первым, это оказался, конечно, Одиссей «И пусть тебе Троянский конь приснится», – строчка не отпускала ее ни на один день и должна была вписаться в текст о вечном скитальце.

И тогда она отложила повествование о Прометее, в которого была влюблена по ее замыслу Геката, и отправилась сначала на Троянскую войну, а потом и в вечные странствия именно с Одиссеем.

Могла ли она подумать, что этот ее выбор как-то существенно повлияет на то, что будет происходить с ней и с миром дальше? Скорее всего, не могла никак. Но это ничего не поменяло.

И вот теперь свежеепеченный Странник, и не написанный бунтарь и должны были в им погибающем мире появиться.

К приходу героев, в квартиру номер 56 вернулись и богини с прогулки, и могло показаться, что они столкнулись где-то в подъезде дома, конечно, если бы пошли по обычному пути.

№№№№№№№№

Но вместо троих, появились пять человек, и сразу же обычная квартира показалась маленькой и очень тесной.

– Зачем они тут? – завизжал кот, считая, что гости нарушают его личное пространство и покой.

– Если мы пытаемся спасти мир, то только они смогут нам в чем-то помочь, – заявила Геката, даже Эрида еще не успела рта раскрыть, что было немного странно, но мало ли странностей еще предстоит им пережить?

На первый взгляд Алине показалось, что они и не похожи на ее героев, хотя она без труда определила, кто из них кто.

Одиссей был выше и стройнее, чем она всегда считала, помня еще знаменитого итальянца, его когда-то игравшего. Прометей наоборот коренастее и шире в плечах, словно там, в горах он набрал вес и несколько уменьшился в росте.

Но это все заметно было только в первое мгновение, а потом она забыла обо всем, как только услышала его низкий голос:

– И зачем мы тут, интересно, вы все хотите, чтобы я никогда до своей Итаки не добрался?

– Чтобы до нее добраться, надо этот мир спасти, – заявил Мефи, ему не хотелось оставаться в стороне от этой странной беседы.

– Вот только не я, меня увольте, – замахал руками Прометей, – прошлое мое спасение закончилось пленом, это и того хуже.

– Ну почему же, – улыбнулась Геката, – твои горы в целостности и сохранности, Алина не даст соврать.

И все посмотрели на Алину, гадая, даст она соврать или не даст.

– Так о чем же мы говорим, может, пошли уже спасать, – подпрыгнул на месте Одиссей.

– Да ты вроде не собирался этого делать? – уточнила Эрида

– Не собирался, а теперь собрался, когда-то меня заставили разрушить Трою, теперь может взамен и спасу что, – буркнул он, злясь из-за того, что все остальные не слишком торопятся, словно у них вечность в запасе.

– Да не торопись сильно, сам знаешь, где спешка нужна, а еще лучше, если этот мир вообще будет стерт с лица земли. Все эти люди страшно неблагодарны, словно мы обязаны что-то им делать, вот и пусть летят в бездну, туда им и дорога.

– Да, спасители из вас еще те, – подал голос Мефистофель, – и хотя он был тут, но на время все как будто про него позабыли.

NoNoNoNoNoNoNoNo

Алина же думала о том, что у них появилось две противоборствующие силы. И в первой команде была она сама, с котом, Одиссей, рвавшийся домой, и понимавший, что как всегда он окажется там только если мир будет спасен, иначе ехать ему будет просто некуда, с ними останется и Геката, конечно, а вот во второй Мефистофель со своими пуделем, Эрида и Прометей – ну что и славненько, силы их были почти равны.

– Белые начинают и выигрывают, – мякнул кот, но Мефи его остановил:

– Ничего подобного, начинать будут черные, ну и понятно, кто тут выигрывает. Но сначала давайте послушаем, что же довело всех нас до жизни такой, Алина обещала нам рассказать про главный косяк Пушкина

– Тогда уж надо начинать еще раньше, – отвечала она, потому что до Пушкина было «Слово»

– Ясно, что было слово задолго до Пушкина

– Да она говорит о «Слове о полку Игореве, правда, Алина, – врзался в беседу кот

– Правильно кот, у нас все началось со Слова, которое исчезло первым.

И все расселись поудобнее, чтобы послушать, с чего же начинались край и разрушение Руси и Лукоморья. Сказал же ученый о том, что не зная прошлого, никогда не узнаешь и грядущего. А этой истории никто кроме кота и не знал не ведал. Ведь остальные были не от мира сего.

Глава 13 Сначала было «Слово» Люцифер покинул мир

Не знала еще вчера Алина, что ей придется становиться Шехерезадой и рассказывать о том, что и как начиналось. Рассказывать с самого начала, по сути, откуда, где разгорался огонь грядущей беды, если не от Прометея, в то время освобожденного по воле Зевса, то от Люцифера, который был у греков хранителем Утренней звезды.

Если бы он им и остался тогда и потом, то может быть ничего такого и не случилось бы, но он не остался, увы.

И заговорила сказочница:

И мы отправляемся с вами туда, где все начиналось, чтобы узнать, что же там такое происходило тогда, в самом начале, и как это могло отразиться на наших судьбах, в нашем многотрадном мире.

№№№№№

Сначала была тьма, но сама богиня ночи Никта породила первых носителей света. И после них в этот мир пришли титаны. Они были благородны и прекрасны, но не смогли защититься от младших, богами и называвшихся, и со временем уступили хитрым и напористым соперникам своим. Их это не сильно расстраивало. И ушли те, кто не противился, на край света, и разбросались они по миру дальнему и ближнему.

Боги захватили власть над миром, и понимали они, что не обойтись им без предшественников своих, и старались привлечь их всеми правдами и неправдами на свою сторону.

Среди них был и титан Астрей, который любил звезды, таинственные и далекие светила. Он и разбросал по небесам первые из них, и должны они были как-то рассеять мрак на небесах.

Звезды и ветер – вот то, о чем заботился в этом мире Астрей. И он трудился над созданием продуваемого и освещенного всеми ветрами мира. Он с радостью порождал тот свет, именно свет должен был людям радость и вдохновение принести. Такими оставались и дети его – таинственные и могучие. А появились они на свет от любимой жены его, богини утренней зари Эос.

Он был благодарен ей за те светлые и прекрасные чувства, которые она к нему испытывала в самом начале, и за детей, ею родила. Это потом Зевс превращал в звезды первых героев, но сначала творил звезды Астрей. И когда Громовержец посмотрел на небеса и несколько увеличил их количество, самые главные из них давно уже сияли, они были так прекрасны и таинственны, что тот просто решил добавить немного и собственного света.

И среди них любимым детищем титана была звезда, которую он называл Люцифер. Ему казалось, что свет ее был ярче, и расположена она была выше других, и так часто смотрел на нее Титан, что понял Люцифер со своей высоты, что с ним никто не сравнится. И уверенность эта со временем крепла в душе его. Он и не подозревал тогда, что все может измениться вдруг.

Сначала он радовался миру, который ему подарили родители, и светил для них так, что готов был раствориться от усердия. Но когда заметил, что они, как должное принимают свет его, то стало ему немного грустно, печально даже. Что же это значит? Только в первый момент и замечают, и восхищаются, а потом появляются другие звезды, и отношение становится другим? Он так привык к всеобщему вниманию, что никак не хотел с этим мириться.

№№№№№№№№№

Заметил он, что и на земле стали происходить какие-то перемены, и в небесах, его сиятельная матушка, все чаще куда-то исчезала, и ее долго не могли нигде найти. Отец старался делать вид, что ничего страшного не происходит, но он уже знал, что она украла для себя какого-то смертного, и радуется тому, что его век так короток, и она может скрасить его короткую и не слишком радостную жизнь.

– Я вернусь к мужу, ведь он бессмертен, а этот несчастный – совсем другое дело, – говорила она, оправдывая свои слабости и не самые красивые поступки.

Этого не могли понять другие, и Люцифер не мог понять, но Эос не нуждалась в их понимании, она делала то, что ей хотелось.

Так Люцифер впервые узнал, что такое предательство, и мать родная своей легкомысленной беззаботностью пояснила ему, как это бывает.

Но это оказалось такой мелочью в сравнении с тем, что началось на земле потом, когда боги вылезли из утробы Кроноса и стали воевать с целым миром.

Глава 14 Трудное решение

Впервые Люцифер пожалел о том, что он не стал вмешиваться, не тронул младенца Зевса, когда того прятали от прожорливого отца. Может быть, от него и стоило избавиться, но ведь они не остановились, они, так или иначе, расправились со всеми его братьями-титанами. Он едва отыскал Атланта, он взирал на страшные муки Прометея, и даже заглянул в бездну, где томились те, кто не собирался так просто покоряться. Какой плачевной оказалась их участь. И после жуткого этого путешествия, Люцифер понял, что никогда больше, и он не будет счастливым и беззаботным.

Так в душе Светоносного появилась сначала печаль, а потом и ярость. Он видел, как носился по миру задорный Посейдон, то корабли топил, то ветры захватывал в свои объятия. Очень редко он видел вторжение в этот мир из своего подземного царства мрачного Аида. И уже готов был поддержать Деметру, после того, когда тот осмелился похитить Персефону, но его вмешательства не потребовалось.

Они как-то договорились, и все убедились в том, что она его любит, и готова была оставаться в объятиях насильника. Вот этого Люцифер никак не мог понять, но он уже давно многого не понимал.

Последняя его надежда была связана со смертным Одиссеем, тому немало сделать удалось, и даже Трои, из которой был последний возлюбленный его матушки, разрушить. Но когда тот стал бессмысленно скитаться по миру, а потом на острове волшебницы застрял, понял Люцифер, что ни на кого из богов и смертных он надеяться никак не может.

Свет его был таким же ярким и таинственным, он еще дарил вдохновение поэтам и художникам, но не было в нем прежнего тепла, скорее холод и одиночество появились.

№№№№№№№№№№

Если тогда это кто-то и заметил, так это был повелитель муз красавец Аполлон, он тогда вознесся на свой Олимп, и никто даже не догадывался, как мало этот юноша значил без Люцифера. Сам он о том знал, потому и всполошился, как только понял, что происходит в мире. Искусство придет в упадок, канет в Лету все, чего они достигли, если он исчезнет вдруг.

Ему не нравилась грустная музыка, печальные песни, которые стали распевать его творцы, прославлявшие одиночество, ведь это бросало тень и на него самого, и в новом свете показывало все его недостатки и просчеты.

Тогда, поздно вечером, когда разбежались все его музы, и обратил он взор с Олимпа к Люциферу. Но тон беседы не мог понравиться лучезарному Титану:

– Что там с тобой происходит, ты дурно на моих муз и их подопечных влияешь, мне не нравится все, что они в последнее время творят.

– А разве я что-то должен тебе, мы ни о чем не договаривались, – отрезал Люцифер.

Просить его о чем-то, в чем-то убеждать было бесполезно.

Аполлон слишком поздно понял, что он не с Паном, который все вытерпит и благодушно простит, разговаривает, а с богом света, но и остановиться в своей заносчивости он уже никак не мог.

– Ты создан был для того, чтобы мир освещать, и не стоит забываться.

– А ты создан был не для того, чтобы плодами чужих трудов пользоваться. Тебе вообще никакого света не надо бы давать, – отрезал Люцифер, – и скажи спасибо за то, что ты уже получил, но я больше не стану терпеть тех, кто пользуется плодами чужого труда. Света ты, и твои творцы от меня больше не дождетесь.

№№№№№№№№№№

Они, вероятно, наговорили бы друг другу немало гадостей, и неизвестно чем бы вообще все это закончилось, если бы Пан не встал между ними.

Смешно и грустно было видеть добродушное чудовище там, где Аполлон ссорился с самим Люцифером, и это после того, как они уже соревновались с Паном в музыке. Но Пан потерял страх, а может, никогда не имел его, потому он и появился снова, рискуя очень серьезно собственной шкурой, не такой и привлекательной, и все-таки родной. Без шкуры ему лучше не станет.

– Оставь его, – обратился он к Аполлону, зла на которого не держал никогда, – он и без того так много для нас делает, и мы должны быть ему благодарны.

И взглянув на бесстрашного Пана, он отошел в сторону, решив, что поддаст ему хорошенько, когда Люцифер исчезнет с его глаз, чтобы у того не нашлось бесплатных защитников вдруг. Но он сам знал, что пыл его ослаб, что остановил его Пан вовремя, и если благодарить он его не станет, то и ругать не за что. Но все трое, в тот момент они еще не ведали, что после этого разговора все изменилось.

Глава 15 От света к тьме

Все дальше уходил Люцифер от тех, кто считался носителями света – его порождением, и все ближе подходил он к тем, кто все время оставался во тьме, да и сам был не слишком приятным созданием.

С грустью думал он, что красота, внешний блеск и даже таланты еще ничего не значат. Если холодна и пуста душа, если ты стремишься к вершинам Олимпа, забывая о каких-то более мелких, но более важных вещах, которые никак не были названы пока, но от этого они не перестали в мире существовать.

Люцифер в те дни понял, что ему не хочется сиять, выкладывая всю свою душу для того, чтобы такие, как Аполлон только отражали его свет и при этом надувались от собственной значимости.

В замешательстве был и Аполлон, когда он смог рассуждать здраво, то сразу же поспешил к Артемиде, и не сомневался, что она слышала обо всем, что происходило между Олимпом и небесами.

– Что это на тебя нашло, братец, ты все еще не усвоил, что Титанов обижать не стоит, даже прикованного Прометея, не говоря уж о Люцифере, хранящем свет, которым ты бессовестно пользуешься и одариваешь своих творцов.

Аполлон ждал поддержки от сестры, а она набросилась на него с упреками, и тогда он бросил первое, что пришло на ум.

– Это твой Пан меня так разозлил, что я уже не знал, на ком зло срывать. Какой же он все-таки скверный.

– Если бы Пана там не оказалось, ты бы вообще уже свет и покой потерял, скажи спасибо, что он там был и Люциферу, кстати понравился.

– Ему только этого и надо.

– И тут ты его с собой путаешь. Не надо ему этого, он тебя спасать бросился, хотя даже я его о том не просила, – подчеркнула она. – А тебе нужно быть осторожным с Люцифером, если произойдет еще одна стычка, и он покинет нас, то от тебя почти ничего не останется. Это я тебе говорю, и не забывай о том. Мы ведь без света и не жили сроду, так зачем же на такое себя обрекать в вечности?

Если бы у Аполлона была в руках молния, то он бы метнул ее в Артемиду, Пана и всех, кто поблизости оказался, хорошо, что руки его были пусты.

И хотя Люцифера не было в тот момент на небосклоне, но он все это видел и слышал. И понимал Хранитель света, что мир нравится ему все меньше. И какой уж тут свет, когда становится понятно, что чем меньше светишь, чем темнее будет, тем лучше и спокойнее для тебя самого.

Он хватался за последнюю соломинку, чтобы как-то переменить свое мрачное настроение, но плохо это у него получалось. Глаза не смотрели на всех, кто на земле обитал, хотелось только одного – уйти от них подальше и не возвращаться никогда.

Глава 16 Решение принято

Еще какое-то время по привычке светил для них Люцифер. Но теперь и Аполлон все реже к нему свой взор обращал, а уж когда непонятно как оказалась на небесах Кассиопея, та самая гордая царица, которая чуть свою дочь не уничтожила, когда похвалялась перед Посейдоном, что она краше всех будет, тогда совсем не стало житья на небесах Люциферу.

Правда, к тому времени все уже установилось, и он видел, как по приказу Зевса был освобожден Прометей. Но это – то для Люцифера и стало последней каплей, переполнившей чашу его гнева. Прометей вернулся назад и оставался прежним помощником своего палача, словно и не переживал всех тех страданий, которые с ним приключились. Это казалось невероятным Люциферу, и он понял, что никогда ни у кого, ни о чем не будет просить, а уж у Зевса в последнюю очередь о чем-то просить станет, не бывать этому.

– Да лучше пусть исчезнет свет совсем, лучше пусть эти боги остаются в полной тьме, чем я с ними рядом встану.

Говорил он это Пану, а тот слушал его молча. Он мучительно старался понять, что им делать, как быть, чтобы не лишились они света. Все время он готов был спасти этот мир, и даже упрянца Аполлона, хотя лично ему тот был не приятен, но это не меняло сути дело.

Не в силах ничего придумать, Пан бросился к Артемиде и рассказал ей о последнем разговоре с Люцифером. И она сама не решилась к нему обратиться, а бросилась к своей матери, ведь Лето тоже была Титанитой, и если уж он кого-то послушается, то именно ее.

№№№№№№

Лето не разделяла уверенности дочери, но к Люциферу все-таки обратила свой взор, как только он появился на небесах.

– Не лишай их света, они глупы и неразумны, они ничего не понимают, но нуждаются в тебе.

Усмехнулся Сияющий:

– А ты, отчего к ним так добра, что-то не понятно мне это, забыла, как гнала тебя Гера по всему миру, и не рвался заступаться за тебя возлюбленный твой.

Сколько не пыталась уговорить и сдержать его Лето, ничего у нее не получалось. Она могла успокоить себя только тем, что пыталась это сделать, но у нее ничего не вышло. И разозлился еще больше Люцифер, он никак не мог понять, как и почему защищают тех, кто им столько бед, унижений, несчастий причинили. Не может такого быть, не должно быть, но ведь было.

И тогда в запале и бросил он отцу своему Астрею, а тот то ли сам к нему пришел, то ли Лето его отправила.

– И не говори ни о чем, не проси меня, да лучше я в подземный мир подамся, говорят Аид из всех из них хоть и темен, но значительно приятнее этих небесных богов.

Астрей неожиданно с ним согласился.

– И там посветить не мешало бы, тем более что там ты будешь один, а здесь и без тебя света хватит.

Отец бросал ему вызов, а всегда он был добр и терпим. И хотя минуту назад еще не думал Люцифер о подземном мире, а теперь уже точно знал, что именно туда он и отправится и останется, если там он получит желанное одиночество.

Глава 17 Исчезновение

И в ту же ночь исчез с небосклона Люцифер. Замер от ужаса Аполлон, поняла Артемида, что все их усилия были напрасными, затосковал Пан, ведь ему так нравилось беседовать с хранителем света в темные ночи, когда другие звезды не решались появляться на небесах. И стали они гадать, вернется ли он оттуда, появится ли, и, вспоминая о его гордости, понимали, что не вернется он из тьмы, как бы там плохо и одиноко ему не было (а почему одиночество, это обязательно плохо), он не придет к ним, и никого ни о чем просить не станет. Разве не говорил он Пану на прощание:

– Никого ни о чем не проси, особенно сильных мира сего. Они сами все принесут и сами все дадут тебе.

№№№№№№

Для Аполлона наступили мрачные времена, не было больше вдохновения, как цветы без воды, погибали его музы без света и вдохновения, зато в подземном мире больше не было той крошечной тьмы. И вдохновение там оставалось, оттуда оно назад, на землю иногда вырывалось, но были это грустные и мрачные творения, хотя порой они были прекрасны, ничего не скажешь.

Помня об ошибках тех, кто был с ним на земле, Аид и Персефона были с ними приветливы и ласковы. Они не уставали повторять, как он необходим им, как все переменялось, а уж когда богиня ночи Никта устроила шумный праздник в честь него, то понял Хранитель Света, что это и есть то самое место, которое ему и необходимо было в мире.

Злые языки придумали сказку о его падении, о его первенстве, но в подземном мире, без Аполлона там, где эти слухи распространялись, не обошлось. Но что им оставалось делать, если они навсегда потеряли то, что имели, и хорошо понимали, что никогда им Люцифера назад не вернуть.

Так глухое и дикое средневековье для них и наступило.

Можно говорить что угодно в свое оправдание, но он без них спокойно обходился там, а вот им было даже очень плохо без того света, который он им еще недавно дарил.

№№№№№№

Так все начиналось когда-то.

Тайное всегда становится явным, и постепенно все творцы узнали, что не стоит искать вдохновения на Олимпе, нет его там, и никогда не было.

А потом и вовсе в злых демонов превратились боги и Феб, мрачный и унылый среди них оказался.

А что же Люцифер? Он исчез бесследно, словно его никогда и не было. Но ведь ничего не исчезает. Он должен был где-то появиться снова.

Глава 18. Затерявшийся во времени, появляется в Пекле

Теперь мы с вами знаем, как тот, кто был рожден хранителем света, стал повелителем тьмы. Во времена Аида был он только гостем его дорогим, но недолог был век Аида, и исчез там Люцифер. А потом ему и вовсе не осталось места и там, когда все переменялось. И побрел он по свету, искать себе достойное место в этом мире. И отыскал его в краю дремучих и заповедных лесов на славянских землях. Какими же тихими они были тогда, какими первобытными.

Боги молодые и солнечные жили в мире и согласии со своими людьми, но Люцифер не хотел повторять горький свой путь. Заглянул он в Пекло и увидел, что там пусто и уныло, один только Чернобог между мирами мечется страшно недовольный тем миром, который ему достался. Да и то правда, ни с чертями справиться не может, ни с первыми душами, к нему пожаловавшими. И понял Люцифер, что это и есть то самое место, которое для него и предназначено было. Недаром он у Аида все увидел и узнал, и понимал, как мир его устроен.

И так быстро взялся Люцифер за дело, что вскоре все в руках его было, и черти стали послушными, насколько они могли быть такими, и души ушедших на суд теперь приходиться должны были. Правда, он сюда еще и Стрибога привлек, но все равно, все на нем было. Но он не жаловался, и когда Чернобог уходил куда вздумается, он даже радовался тому, что происходило вокруг. Да и не о чем ему было грустить.

Никто, правда, здесь не ведал, не знал, кто он такой и откуда явился, все было покрыто мраком тайны, но и не расспрашивали они его, не пытали.

И только волхвы, все ведавшие и о других мирах, догадывались, кто был перед ними, но никому больше говорить не стали, потому и стало их с Нием тайной – так они звали нового повелителя Пекла, а первого имени его не знали, да и не запомнили бы. Оно оставалось в секрете. Как и у людей, у богов клички оставались, с ними надежнее и проще было жить.

№№№№№

И наступил момент, когда покинул в первый раз Пекло Ний и вышел в этот мир. Вольготно и спокойно было ему там теперь. Только появился он под покровом ночи таким таинственным черным всадником, пронесся по полям и лесам, нигде особенно не останавливаясь.

И лишь когда Волхва увидел, прыгнул с коня и в чашу его подальше от костров полыхавших увел. Только там можно было поговорить им спокойно.

Так и пошел слух о том, что он боится света.

Это было не правдой, Ний его просто не любил, и не хотел вспоминать о грустном, которого было больно много в жизни его. И свет здесь солнечные боги хранили, а он не собирался в их дела вмешиваться.

Они встречались еще не раз. Но даже Велесу, не говоря уже об остальных, пришлось только гадать о том, что же это были за беседы.

Волхвы всегда славились красноречием, но они лучше других умели хранить тайны, особенно чужие тайны в те времена.

А когда и сюда пришли черные дни и черные монахи, как вороны кружили над этим миром и захватили земли славянские, то Ний оставался дольше остальных в мире – Пекла они не трогали, кто бы туда их пустил. Там порой волхвы и скрывались от всех гонителей, и у них они были, когда и заповедный лес перестал быть надежным местом для защиты.

Но не просто так они там сидели. А каждый из них писал свою книгу о прошлом, о богах, о героях, о том как жили они все это время, до конца света, до того злополучного 988 года, когда огнем и мечом крестили славян их доблестные князья, и никак не могли остановиться в рвении своем ретивом.

№№№№№\

Ний удалился последним. Волхвы остались. И они по-прежнему уходили в Пекло, чтобы не видеть всего того, что творилось в мире, и теперь, как Ний когда-то, появлялись на земле только в случаи необходимости большой, когда черти – наушники приносили уж слишком скверные вести, а волки подтверждали слова их, и выли отчаянно.

Ния беспокоить они чаще всего не решались, и все делали сами. Так было и во второй половине 13 века, когда власть их стала ослабевать.

И Волхв Свет решил, что ему надо уйти от Киевских земель и куда-то подальше в глубь удалиться, чтобы не достал до них великий князь, который ни своих, ни чужих щадить не собирался.

И надо сказать, что такой неразберихи с великими и не великими князьями, как в те времена давно не было.

В Киеве оказался Святослав Старый, и Галиче Ярослав Осмомысл, который и сам был более велик, чем первый, а во Владимире – князь Всеволод, прозванный Большим Гнездом, и уж если кого таковым считать так именно его.

И ни на одного из них не мог Волхв никак надеяться, как ни старался. А ему нужен был кто-то, не самый хлипкий, чтобы какое-то время еще продержаться и оставить в мире все, что и оставить должно.

И тогда на Чернигов взор его пал.

Глава 19 Две рукописи, какая главная?

Волхв Свет, хотя и был молод, но мудр не по годам, и видел он, что это последние дни и года их владычества в мире этом. Они смогли продержаться после рокового дня еще два столетия, никто их пошатнуть не мог, но сил у них все меньше было, в душах огня никакого не оставалось. Да и духи уже сами по себе оставались, и предки от людей, о них забывших, отделились, и надо было главное сделать, оставить в этом мире главную книгу, по которой они будут помнить обо всем, что прежде было. И когда настанет срок богам пробудиться от сна и вернуться, чтобы знали они и помнили, кто они такие, и какую роль каждый из них в этом мире играет.

Пока они о том знали и помнили, но так ведь недолго еще продолжаться будет. Память у людей больно коротка, а князья с монахами помогут им все позабыть быстро. А тогда и умрут они во второй раз окончательно. Все умирает, когда память стирается, но не могли допустить этого волхвы. И решил Свет, что храниться она будет в храмах на земле Черниговской.

Так на князя Игоря, сына Святослава и внука Олега, старшего в роду князей и пала такая миссия, тяжкая, страшная, губительная.

И явился к нему однажды Свет, и рассказал обо всем, что сказать ему должен был. Как же долго эта беседа длилась. Крепко после того, как они всю ночь говорили, задумался князь Игорь. Очень мила и прежде была душе его вера предков, не раз и сны он видел и верил, что только с нею и можно победить в мире этом и хотя бы какой-то порядок навести. Не верил он только в то, что один сможет против всех выстоять. Хотя никогда бы в том никому не признался. Хорошо помнил он поговорку о том, что глаза боятся, а руки делают.

№№№№№

В те дни в Киеве сидел тот, кто чуть не погубил его в детстве, во Владимире – тот, кто только и хотел его в погребальном костре видеть, и даже тесть его, князь Ярослав в Галиче, пальцем о палец не ударит для того, чтобы ему и внукам своим помочь. Его можно и не просить о том. Но знал князь Игорь с самого начала, что никогда и никого он ни о чем просить не станет. Если не дадут они, то ничего не дадут – проси их или не проси, а так на душе спокойнее будет.

Но когда дружины княжеские в поход на половцев отправились, а его не позвали даже с собой, то это стало последним плевром в его сторону, и тогда он понял, что не только со старыми богами останется, чтобы им всем досадить, но еще и постоит против мира всего.

Волхв Свет знал исход этого похода. Книгу Судеб никто и в те времена не отменял, да и пряжи в своих чертогах оставались, хотя Мокошь ушла вместе со всеми, но нити судеб они должны были плести все равно, чтобы не рухнул этот мир окончательно. Пусть хранится он, пока не вернутся они назад. Вот и говорили они долго с волхвом о том, что их всех в ближайшее время ждет.

– Хорошо, – сказал Волхв, – и поражение можно в победу обернуть.

Даже им он ничего не сказал о том, что задумал, но все то время, пока князь в походе и плену у Кончака оставался, он сидел в келье своей в дремучем и непроходимом лесу и что-то творил.

Черти приносили ему еду, которую неведомо где брали, Леший следил за этим строго, но, едва перекусив тем, что появлялось, он снова писал и переписывал что-то. И оглядывался на не свитки, которые лежали припрятанными от всего, что могло на них обрушиться – от огня, воды, ветра, потому что в них была вся его жизнь, как и судьба всех волхвов во все времена. Это единственный их бесценный труд, который и через много веков станет для них оправданием, и поможет обрести бессмертие их богам.

Если же с ними что-то случится, то все просто исчезнет без следа, и ему перед всеми остальными ответ держать придется. Потому он и торопился, и все на много раз обдумал, и решил приступить к последнему труду своему.

Иногда появлялась и Яга, и они говорили о чем-то, только ей одной он мог доверить свою тайну, да и дельный совет она могла ему дать, и строго указывала, что делать надо, а чего не стоит. И когда была поставлена последняя точка, волк серый ворвался к нему и заявил, что князь Игорь сбежал их плена.

– Тебе это точно ведомо?

– До самого Киева проводил его, хотя за нами никто не гнался, но бережного Велес бережет.

– Хорошо, значит, настал наш срок и пора за дело браться.

И волк взглянул ему прямо в глаза и вильнул хвостом, как собака, когда он потрепал его по шее, а ведь это был белый волк, тот самый, которого даже Леший побаивался, потому что никогда не знал, что у него на уме было. И только волхв давным-давно потерял страх, и даже рассмеялся, словно все было уже седлано самым лучшим образом.

Глава 20 Ярость великого князя

Мы уже много с вами слышали о самом могучем из князей русских этого времени.

Не всегда те, кто называются властелинами ими и остаются, чаще всего вся власть у тех, кто в тени остается.

В те времена таким тайным правителем и был князь Всеволод, младший сын князя Юрия Долгорукого, которого так часто из Киева изгоняли братья князья, что обосновался он во Владимире своем, да его столицей земель русских и объявил. С этого все и началось, а князь Всеволод должен был принять все это и только смотреть за всем, что в разных местах происходило. И забот у него было немало, да что там, больше, чем надо. То князь Роман со всеми остальными ссорился и разбирался, то князь Рюрик чудесил и никак успокоиться не мог. От великого князя в Киеве неизвестно, что ждать можно, а уж о князе Игоре и говорить нечего. А ведь за ним еще Ярослав Галицкий стоит, хотя с такими родственниками и врагов не надо. Но ведь всякое бывает, нынче так все повернется, а завтра этак.

И когда появился волхв – его только не хватало, понял великий князь, что беда одна никогда не ходит. Он наверняка, какую-то гадость ему принес.

И так оно на самом деле и было. Потому что сначала заговорили о какой-то крамольной книге, а потом это «Слово о полку Игореве» ему и принесли тут же. Князь Всеволод начал его читать. Лучше бы не начинал, но остановиться уже не мог. И когда он дочитал это, то приказал сжечь список, и казнить волхва.

– Публично, на площади, чтобы все они видели, что с каждым из них будет.

Ничего на это подручные его не ответили, только в тот же вечер волхв и оказался в застенках. Этого ли он добивался, или все случайно произошло, этого уже никто знать не мог. Только и отступить они не собирались.

– Они не встретятся с князем Игорем, хватит мне одного бунтовщика, уже сил никаких нет больше.

№№№№№№№№

Князь Всеволод опомнился к утру, князь Игорь так и не появлялся, и он никак не мог понять, что же ему делать дальше, особенно после того, когда ему приснился князь Олег Вещий. И он странно хохотал над ним. Показывал на него пальцем и смеялся. А в летописях он что-то читал о том, как волхв расправился с сим героем, и после того, когда он пришел во сне, уже не осталось ничего от решимости Всеволодовой. Но и выпускать просто так волхва после собственного приказа он тоже никак не мог – тот должен оставаться в темнице. Возможно, за это время что-то измениться. А в ушах все время звенело:

Князь великий Всеволод, доколе,

Муки нам извечные терпеть.

Да и не только, там были упомянуты все князья, и любой из них в таком виде предстал, что о том лучше и не думать вовсе, и он надеется на то, что это останется в веках. Да креста на нем нет.

Князь сплюнул. На нем и на самом деле и не могло быть креста, откуда ему взяться, если он всю свою жизнь только против князей и богов стоял и стоит. Волхвы никогда не боялись и теперь не боятся могучих владык.

Это все увидел князь Всеволод, когда вошел накануне в темницу. И через миг он уже понял, что это он сам в темнице сидит, а волхв пришел его навестить и издевается теперь над ним. Такое и во сне кошмарном не приснится никогда. Но он был в полной растерянности, как и тогда, когда надо было в очередной поход собираться, тут уж ни на что великий князь решиться не мог.

И хранитель света еще какое-то время оставался в темноте. Пекло не Пекло, но и хорошего ничего впереди его ждать пока не могло.

Глава 21 О князе Игоре, писателе и воине

Пока волхв томился в темнице, нам с вами надо заглянуть в Чернигов, в град, где в это время оставался князь Игорь. Именно ему предстояло еще стать печально знаменитым в этом мире созданием.

Он вернулся в свой Чернигов во второй раз, хотя в день смерти отца, когда покидал его еще ребенком, был уверен в том, что больше никогда ему в свой град не удастся вернуться, так вдруг повернулась к нему жестокая судьба. Только потом все изменилось, и князь Святослав – его дядя и главный обидчик, Киев занял, а ему оставил те земли, которые по праву рождения ему и принадлежали.

Время ли было таким, или сам князь Игорь не был воином, со своими братьями уж точно он воевать не собирался, а только такие схватки в его времена и были в почете. Только он понимал, что надеяться в этом противостоянии может только на чудо и на богов своих предков, потому что с новым богом, заставившим его погибать несколько раз, холодными и равнодушно на мир взиравшими, не было у него никакой связи даже в детстве, а теперь и подавно. Не потому ли с великой радостью принял он волхва, когда тот появился вдруг, и понял, что только с ним и должен оставаться, нет у него другого мира, нет и быть не может. И более того, стоило ему только в поле чистом оказаться, али в лесу дремучем, он и сам становился тем самым волхвом, и художником, и творцом, но он рожден был князем и в том, главная беда, в этой жизни – точно.

Вот и после похода этого жуткого понимал князь, что должен он с волхвом связаться и быть с ним до конца. Только как это было возможно сделать – этого он и представить себе тогда не мог. И повсюду он волхва искал, когда видел, что капища в лесу около града уже достраиваются, но нигде его так и не смог отыскать, как ни старался.

А потом какой-то черт рогатый и поведал ему, что написал тот книгу о Игоревом походе, а после этого и оказался он у князя Всеволода в темнице, и больше его никто не видел и не слышал с тех пор. И тогда понял князь Игорь, что ему придется навестить князя Всеволода, хотя этого хотелось ему меньше всего на свете. Но волхва в беде отставить он никак не мог.

№№№№№№

И вскочил на коня князь Игорь, только несколько воинов было с ним вместе. И так странно весело ему стало, и вдохновение такое было, словно родился он поэтом, а не воином, и им ему и оставаться хотелось до конца.

Луна, небо, звезды. Летел он мимо дремучих и непроходимых лесов. И это был его мир – единственный и неповторимый, и он казался в тот миг прекрасным и величественным. Он стоял тысячелетия и столько же еще стоять будет, когда от черных монахов и следа не останется. Только в это и верил князь Игорь, и это заставляло его жить и действовать.

И хотя немного тревожно было на душе, но ничего он не боялся, это пусть князь Всеволод вместе с монахами и богами своими трепещет. Он слышал что-то о «Слове» к нему обращенном и понимал, какую важную роль может оно в жизни его сыграть. Но не о нем, а о великолепном волхве, вместе с которым они и победят, и думал тогда князь Игорь.

Вот и белые врата Владимира уже показались вдалеке, и хотя кони устали, но он не собирался останавливаться. Для того, кто томился в темнице это слишком тяжело.

Глава 22 Монах в темнице у волхва

Но князь Игорь, как он не торопился, все-таки опоздал, потому что за несколько дней до его вторжения, вот что произошло в той самой темнице.

После того, как князь Всеволод вернулся назад, яростный и угрюмый, его верный монах, всегда следовавший за ним, теперь решил посамовольничать.

Он и мысли не мог допустить, что какой-то волхв так может обходиться с князем. И как только разгорелся княжеский пир, он и отправился туда, в ту самую темницу, где волхв оставался. Тот даже не пошевелился, глядя на то, как приближается черный, пред которым склонялись иные или отводили глаза.

Но и монах не собирался отступать, он уже почувствовал вкус власти, а волхв был в застенках. И если князь чувствовал себя тут скверно, то он сам был даже очень спокоен.

– И как смеешь ты...

Но он оборвал речь свою пламенную на полуслове, потому что от темного угла отделилась рогатая голова и к нему направилась тут же.

Монах стал креститься, уверенный, что это ему помочь может, но не тут то было. Бес захохотал:

– Ты хочешь темницу с нашим князем разделить? – вопрошал он, надвигаясь.

И видя, что крест не помогает, а ведь уверяли, что от него бесы разбегаются, он снова туда отправился, к решетке спиной прилип, а потом начал отступать и отодвигаться, только не тут-то было.

– А не за второй ли книгой ты явился? – наседали на него бесы. – Наше творение про князя Игоря прочитай, так это только цветочки, а вот когда ты главный труд увидишь, глаза выпадут, и не только у тебя самого, – бес ткнул его пальцем в живот, – но и от всех твоих храмов и святош ничего не останется.

№№№№№№№№№№

Нет, терпеть такого он никак не мог, это точно. Только слова о второй книге оказались сильнее волнения и страха дикого. Любопытство и угроза гибели были так сильны, что монах не собирался уходить, хотя дверь за его спиной распахнулась, ее никто и закрывать не собирался пока.

– Думаешь, ты найдешь без нас среди своих эту книгу? Она будет в башне, у тебя под носом храниться. Только не дотянешься до нее, я за тобой следить стану, и не махай руками, это вся игра наша, никому из нас не страшны твои кресты, и не надейся даже.

И странно замолчал бес. Волхв так ни одного слова с той поры и не произнес, словно он зачарован был или мертв. Но в последнее верилось с трудом, с какой бы стати ему помереть. Но монах чувствовал полное бессилье перед этой парочкой, когда с трудом поднимался наверх, если они тут такие храбрые, то, что же дальше будет, а если бесов будет не один. И странно, но до сих пор он верил, что тот боится креста его, как бы ни так. Ничего – то он не боится, и бояться не собирается.

Едва он добрался до гридни, где шумели и пировали князь с дружиной. Постоял немного, но туда не пошел, остался стоять на пороге, а потом рванулся в свою комнату, словно должен был что-то тайное там укрыть.

Нет, никому он рассказывать не станет, что был там, и пусть стражник попробует, проболтается князю, он проклянет его.

Правда, проклятий его скорее боялся сам монах, князь Всеволод косился на него давно. И не понимая, что за словами этими и страшными глазами князя стоит, монах робел и отступал. Но вряд ли это как-то подействует на волхва. Он и разговаривать с ним не стал. Так и проводил его молчанием.

Но что ему нужно сделать, монах подумать так и не успел, потому что и из его собственной комнаты к нему шагнул бес, вероятно, тот же самый.

– Мы не договорили еще, – услышал он хриплый голос.

Глава 23 Как повторяется старый миф о Зевсе

Сначала монах хотел выгнать его. Потом понял, что это еще одна глупость, тот никуда уходить не собирался. Да и больно хотелось знать, что же он ему скажет такого.

– И зачем ты пришел? Что тут позабыл?

– Чтобы напомнить тебе старый миф, от которого ты открещиваться собрался.

– Не ведаю, что говоришь ты.

– А то и говорю, что ты сам завтра на том месте быть можешь, только не о том речь, а об ином, ты должен отпустить волхва.

– И не подумая, – буркнул тот, хотя в голосе его вовсе не было такой уж уверенности.

– Ты вообще думать не приучен, как погляжу, но разве не ведомо тебе, что даже Зевсу, который водами Леты поклялся, пришлось отпустить Прометея.

– Не ведаю того, – снова буркнул монах.

– И напрасно не ведаешь, – говорил бес, – но я тебе напомню, что тот самый Прометей знал самую главную тайну, после коей и остался Зевс жив и невредим еще какой-то срок. А если бы он так же упрявился, как ты нынче, так и вовсе не ясно было бы, что с ними стало.

– И что это ты все говоришь? – вырвалось у того.

– А то и говорю, что рухнет твой мир, и ладно бы ты один, а то ведь все храмы, и все, ты вот не знаешь, а я сам видел, как первые полыхали и сгорали дотла. Потом нам надоело пожарища устраивать, мы отступили, чтобы передохнуть, но все может быстро начаться снова.

– Плевал я на твои угрозы.

– Ты не плюйся, твой бог едва ли такое одобрит, – заверил его бес, и это скорее всего было правдой.

– Кроме этой рукописи, от которой твой князь взбеленился, есть другая, я тебе уже сказывал. И тебе ту найти надобно.

– Словно ты мне дашь это сделать.

– Не дам, но ведь и меня обдурить можно, не крестом твоим, конечно, но можно – это точно. Вот и принимайся за дело. Я тебя обо всем предупредил, дружок ты мой, дерзай.

Он так говорил, словно они что-то новое и интересное обсуждали, но уж не опасное для жизни. Бес бросал ему вызов, и ничего не оставалось – только принять его. Монах молчал.

NoNoNoNoNoNo

Монах метался, словно его тоже загнали в темницу, но хотелось ему только одного – найти ту крамольную рукопись, и князю принести, а еще лучше и не приносить ее, в костер бросить и посмотреть, как она полыхать будет. Бес бросал ему вызов, и он должен был его принять.

– Хорошо, я принимаю твой вызов.

– Но прежде ты освободишь Прометея, волхва нашего, если хочешь, чтобы твоя вера, которая на ладан дышит давно, еще какой-то срок продержалась.

Бес растворился, но оба понимали, что он только дал ему передохнуть и явится снова уже завтра, вроде он что-то о том говорил. Монах понял, что он потерял покой и сон. Хотя последнее было не совсем верно, спал он как убитый, и даже снова никаких не видел. Но это испугало его не меньше, потому что утром все одно придется просыпаться и ждать беса.

Тот от него не отстанет, но он не может отпустить злейшего врага своего, которого мысленно уже казнил несколько раз. Это невозможно, а что он князю скажет после этого.

– Невозможно. То ли во сне, то ли в бреду шептал монах и никак не мог проснуться.

Глава 24 Бес требует от монаха невозможного

Все так и было, как он предположил, чтобы доказать, что он вольная птица и никакие предрассудки ему не страшны, на этот раз бес появился на рассвете и остановился перед монахом, стоило ему только подняться с ложа своего. Тот снова хотел креститься, но только махнул рукой, понимая, что это напрасно, и не стоит беса смешить.

– Так что же ты решил с волхвом?

– Я спал и не видел снов.

– Отдохнул вестимо, вот и давай теперь, утро у нас говорят мудренее, чем вечер.

– А князю я что скажу? С какого это перепугу я его отпустить должен.

– Да ничего и не говори, что к нему бегать и докладывать, али ты боишься его, ну сопри на меня, скажи, что бес его утащил, ведь это так и есть.

– Вот и тащи без меня, – вырвалось у того невольно.

– Могу, конечно, но я хочу, чтобы ты его отпустил, али тебе напомнить, что с Пилатом случилось, когда твоего бога распинали.

И снова монах хотел сначала креститься, а потом стал руками махать.

– Ну что ты машешь, ведь все очень просто, открой дверь темницы, Зевс сдался, Пилат маялся, а ты просто черный маленький и ничтожный в сравнении с ними хотя бы, так что же тебя держит, а я, между прочим, помочь тебе хочу.

– Знаю, я, куда твоими добрыми делами дорога стелется.

– А коли ведаешь, так что держит тебя, какой ты упрямый, запарился я с тобой.

Бес сделал вид, что он порывается уйти, но сам внимательно за своим пленником следил.

– И что в них такого особенного, хотя конечно, такому князю, как Всеволод, только такой и нужен, куда ему с моим волхвом тягаться, всею ничтожностью видно, а на этого глянешь, и великим самому себе покажешься.

Он говорил это вслух, хотя, кажется, и не замечал речей своих пламенных. Глаза монаха страшно сверкнули, да как он смеет. И ведь смеет, и не заткнуть ему рта никакими судьбами.

– Как только мой волхв будет на свободе, я вернусь к тебе и поведаю тайну рукописи, а ты ее с собой в могилу унесешь, потому что ты не Зевс, и такая долгая жизнь тебе не грозит, но что там написали мы с ним, и что сохранить попытаемся, знать ты все-таки будешь.

С этими словами бес растворился в воздухе, а монах обреченно опустился на кровать свою измятую.

– И привяжется же такое чудище, но если он его все равно освободит со мной или без меня, то я больше с места не сдвинусь. Ничего делать вовсе не стану.

И словно желая проверить себя на прочность, он поднялся и пошел по знакомому уже пути.

– Я ничего не стану делать, – заявил он, и потребовал у стражника открыть засов.

Стражник удивленно посмотрел на него, но ничего говорить не стал. Монах не мог знать, что темница была пуста, никого там больше не было. Но у него не хватило сил заглянуть туда и посмотреть на волхва, которого бес давно и без него освободил, для него важен был только сам факт того, что тот поднимется и отправится туда. Он так и сделал.

И вина теперь навсегда на нем останется, впрочем, ненадолго, как вскоре выяснилось.

Глава 25 Бес вернулся к монаху открыть тайну Слова

А в полночь Волхв уже сидел перед Перепутным камнем, смотрел на луну и звезды и видел, как прекрасен и удивителен этот мир. Бес прохаживался перед ним взад и вперед и рассказывал о том, как он терзал святошу.

– Мне бы твои заботы, – с грустью волхв произнес.

– А у каждого заботы свои, но я слово давал, что спокойно они жить не будут, пока я жив.

– Видно, им не успокоиться никогда.

– А тем, кто с огнем и с мечом к нам пришел, тот и погибнет от того огня и меча, и покой мне и ему тоже только снится.

Волхв улыбнулся в полутьме.

Его забавляла суета беса. Он радовался тому, что он, как и вся его братия, не успокоились, единственные из всех духов, и делают хоть что-то. Хотя он понимал, что это капля в море, но не из таких ли капель состоит само море – на каждого беса по капле моря, на каждую каплю в море – по бесу, и это не так мало, и звучит уже внушительнее.

Но что же все остальные, почему они так просто сдались и ушли.

Он разговаривал с Велесом, когда тот приходил к нему во сне, и спрашивал, почему они не остались, никто из Ирия, только те, кто были на земле, только Люцифер под землей еще продолжали противиться.

Он говорил о Книге Судеб, о том, что ни один бог против Судьбы идти не волен. И это можно было разумом понять, но не принимала его душа такого, и в бунте этом видел он свою порочность, и нерешимость, но ничего с собой поделаться не мог. Им на смену пришел тот, кого вообще умертвили, да еще и мучили страшно, а эти просто гордо и достойно ушли, только мир с кем и с чем остался.

Но монах понял, что жить надо так, как бес живет, ни о чем не задумываться особенно и делать то, что можно и должно, а богов не судить – праздное это занятие.

NoNoNoNoNo

На рассвете волхв отправился к себе в Чернигов, где его князь Игорь дожидаться должен был. Они разминулись в пути, и он не знал, что князь Игорь уже ворвался во Владимир, чтобы вырвать его из плена, и ради этого готов был даже в глаза лютому своему врагу заглянуть.

Но пока князь Игорь ехал по Владимиру, а волхв к Чернигову рвался, бес вошел в покои монаха. Он собирался держать свое слово, раз тот исполнил то, что от него требовалось, и рассказать ему о рукописи. Какая разница, пусть знает, да мается, ведь он до нее все одно не дотянется, сколько не старайся.

Но когда бес влетел в комнату, монах сидел в кресле с кубком в руке, и вдруг пустой кубок упал и покатился по полу.

Но не от появления беса, хотя и оно не радовало, слабость накатила на брненное тело монаха. По тонкому запаху бес сразу унюхал яд.

– И кто это тебя так? – Поинтересовался он, – ясно понятно, что будут вопить о том, будто я тебя отравил, только это не правда. Я пришел тебе поведать тайну нашей рукописи, ты должен ее знать.

– Ничего, ничего не хочу знать, – стонал тот, и через миг сам свалился к копытам беса.

– Князь Всеволод, да ты шустрее, чем я мыслил. Ну что же одним монахом меньше, одним больше, надеюсь, что ты ему мстил не за моего волхва. Даже жаль немного этого убогого, а я ему такую тайну раскрыть хотел, не успел, надо же, не успел, – сокрушался почти искренне тот.

Но за прикрытой неплотно дверью уже были суета и шум – это князь Игорь, которого здесь ждали меньше всего, потребовал, чтобы его пропустили, к Великому князю.

– Полежи здесь, пока они тебя не найдут, а я пойду, гляну, что там мой князь творит, из-за тебя забыл его предупредить, чтобы не суетился особо. А может, и не забыл, пусть Всеволод порадуетя, он уже и не ждал его увидеть, а неожиданность не всегда приятна, но забавна бывает.

С этими словами бес в гриндю и устремился, он никак не мог пропустить такого события важного.

Глава 26 Что услышал князь Всеволод за закрытой дверью

Шум заставил великого князя отойти от двери, за которой пока еще оставался бес и мертвый, им же и отравленный монах. Хотя и под пытками не признался бы великий князь, что он к тому причастен, и даже о том, что воеводе своему он рассказывал мнимый сон.

И снилось ему, что монах принял кубок с вином от беса, и ясно, что в том кубке было. А когда слуги вбежали, то он был уже мертв.

– И что бы это значить могло? – вопрошал у холопа верного великий князь.

Тот молчал, понимая, что перед Купалой это будет очень хорошим знаком для всех их людей, которые все меньше своему князю верят, особенно после бед, на них в последнее время свалившихся, и если они узнают, что странно и внезапно помер монах, то может, хоть немного успокоятся.

А когда князь узнал о том, что из темницы исчез волхв, то он сам обмер и снова бросился к воеводе. И хотя ничего ему не сказал, но они давно знали друг друга, и не надо было никаких слов. И вот теперь князь, проходя мимо, хотел убедиться в том, что приказ его тайный исполнен, хотя и не собирался заглядывать туда. Тело монаха должен найти кто-то другой, а не он сам. Но тут он слова беса о тайной рукописи и услышал, и понял, что писанина о князе Игоре – не самое главное. Она просто должна была отвлечь от главного.

И так захотелось ему узнать, что же там скрывается, что он прямо взвыть готов был, как внезапно раненый зверь. Но тут произошло еще что-то, недаром говорится, как только Игора помянешь, так он и явится. Так и на этот раз случилось.

NoNoNoNoNo

Сначала князь Всеволод решил, что это только призрак, но за ним бежали воины, и расталкивал он их с невероятной силой.

Князь Игорь был жив, и он – вот наглость – был здесь.

Подав знак стражникам, чтобы они отстали, князь Всеволод проследовал в гридню, и пригласил непрошеного гостя, который хуже татарина или Тугарина, за ним следовать.

Он неспешно развалился на столе своем и стал взирать на него издалека.

Давно не видел он крамольного князя так близко.

– Что это тебе не спится? Я мог бы и обождать.

– Да я ждать не собирался, где мой волхв?

– Я не сторож волхву твоему, – торжественно произнес князь Всеволод.

– А мне ведомо обратное.

– А если ведомо, или и найди его, а коли найдешь

Князь замолчал и усмехнулся.

– То твоим будет. Но сперва дай взглянуть на тебя, видно Кончак тебя как гостя дорого встретил и не сильно удерживал там, а может, надоел ему больно, столько шума от тебя, что и вернули назад с мешком золота.

Князь Игорь молчал, что еще мог он услышать от брата своего? И ради этого стоило мчаться во тьме?

– Но что бы там не писал твой волхв ненаглядный, только время нас рассудит, и все по своим местам расставит.

– Время нас рассудит, – повторил князь Игорь, и без позволения его отправился прочь.

– Иди и ищи его, а коли найдешь, с собой забирай. Мне он без надобности, ни тебя, ни его я зреть не желаю.

На том они и простились.

– Нечего тут искать, отправляйся домой, – услышал князь Игорь голос рядом. Он и сам уже понял, что искать тут нечего.

NoNoNoNoNoNoNo

Мимо леса заповедного и дремучего из стольного града Владимира, а он тогда таким и был, ехал домой, в Чернигов, князь Игорь Святославич, и Лешие выходили к нему и смотрели с надеждой, и Водяные позволяли искупаться, и тоже стались утешить как-то. Он был

В те дни он оставался последним героем, и последней надеждой для них. Но больших надежд на одного князя нельзя было возлагать, и мертвый монах – это не спасение, это только штрихи странного гибельного времени и переменчивой судьбы.

А что останется от того времени смутного? Только две рукописи, одну из которых найдут в веке 19 почти через шесть столетий, странно даже представить себе такое, а другую и того позднее.

Нарочно не придумаешь, и поверить невозможно, но так это и будет потом. А пока князь Игорь возвращался в Чернигов. Ему надо было капище достроить, с волхвом побеседовать и показать всему славянскому миру, что ничего в мире не исчезает. И вера их предков, с которой они не одно тысячелетие жили, и славно жили, жива, и ни князь Владимир когда-то, ни князь Всеволод нынче ничего с ней сделать не смогут, как бы они ни старались

*А вы бы могли ходить по воде, как по суше-
И призраки видеть – их вечно таят зеркала,
А вы бы сумели постичь обреченные души,
Молясь за врагов, подбирая такие слова,
Чтоб он вам поверил наш страстный и яростный Велес,
И чтобы Перун не ярился во время грозы,
А вы бы сумели, свои умножая потери,
Стремиться к их свету. Вы были б сильны и горды.
Не божьим рабом, а достойным и солнечным сыном,
Остаться в сердцах, и сгореть от великой любви,
Но яростно дышат святоши смиренные в спину,
Слепые монахи шагнули с картины Дали.
Но вместе с Ярило я страсти земные познала,
Раскаянье нет, только жар и пленительный свет,
И вместе с русалками в лунную ночь танцевала,
И Леший дарил заповедный, таинственный лес.
Нам только казалось, что все, позабыв, потеряли,
Таинственный мир, наши боги мудры и добры,
Мы будем кружиться, отринув земные печали,
Их светлые дети, их правнуки, но не рабы,
На тысячу лет наши души чужие украли,
Но Род терпелив, он дождетя заблудших детей,
И в солнечном свете сумеем осилить печали,
И страсти земной отвергать мы не станем теперь.
И спустятся предки с небес, как тогда, как в начале,
И силы умножив, забудем смирения тьму,
И многие знания наши умножат печали,
Но дух той Руси, словно дар я бесценный приму.
И будет со мною язычества наша стихия,
Там жизнь и любовь, там не будет тоски или зла.
И может тогда, возродится из праха Россия,
И страшные тайны откроют для нас зеркала.*

Часть 2 У Лукоморья дуб зеленый

У Лукоморья дуб зеленый.
Златая цепь на дубе том,
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом

Вот теперь мы с вами должны заглянуть в ближайшее прошлое, в пушкинскую эпоху, – говорила Алина, когда они уселись у камина, и она должна была продолжить свой рассказ..

Эпохи, времена, разные события проходили перед их глазами, и все они в тот миг почувствовали себя единым целым и все были причастны к тому, что творилось и еще будет твориться в этом мире

Глава 1 О том, как Царскосельском саду неожиданно появился кот ученый

Когда мир тихо дремлет в рабстве и неведении всегда находится кто-то, кто пытается его разбудить и привести в чувства. Трудно противостоять этому сонному мареву, но не говорите об этом коту Баюну – он вам не поверит. Недоверчивый у нас кот, да и с какой стати верить тем, кто сам лежит, и лапки сложил? Так не просто лежит, а жалуется еще на весь остальной мир.

На вечерней заре кот пробудился, достал старинный свиток, новое гусиное перо – только что из живого гуся выдернул незаметно, и уселся писать.

Вот именно, коты бывают не просто ученые, но и писучие тоже, вид у него был очень важный. И старался он вовсю, потому что от этого слишком много зависело. И начертал он в тот памятный день буквально следующее

У Лукоморья дуб зеленый.

Златая цепь на дубе том,

И днем и ночью кот ученый

Все ходит по цепи кругом.

Идет направо – песнь заводит,

Налево – сказку говорит.

Там чудеса, там Леший бродит

Русалка на ветвях сидит

И дальше, все, что нам уже было с вами известно про избушку на курьей ноге, про Кощея и все остальное, что напечатано миллионами и миллионами тиражей в бесчисленных книжках. Каждый ребенок о том знает теперь, но ведь когда – то все только начиналось.

А тогда, не было никакой книжки. Был только кот и гусиное перо, которое он старательно макал в какие-то подозрительного вида чернила, и писал дальше и дальше, пока не закончил:

И кот ученый свои мне сказки говорил.

Поставил точку, посмотрел на написанное, и решил, что пока этого достаточно, а потом из этого можно целую поэму сделать, а если получится, то и славянский эпос родить. Главное, чтобы начало было положено.

Он так увлекся сочинительством, что забыл обо всем на свете, а давно пора было отправляться в Царскосельский Парк, где в этом время гуляли лицеисты и найти одного из них, самого маленького и шустрого. Он ни есть ни спать не мог, пока его не отыскал.

№№№№№№№№

Почему именно его, кот объяснить не мог, интуиция, предчувствия – чушь все это собачья, он просто заглянул к трем девицам под окном, которые пряли поздно вечерком, а проще к Пряхам судеб, они ему все и выложили.

Не сразу, конечно, выложили, они не особо любят рассказывать о том, что только должно случиться, и никому не советуют, а вернее запрещают заглядывать в грядущее свое и чужое, потому что опасное это дело. Но любая из трех девиц прекрасно понимала, что коту легче и проще сказать, все, что он хочет узнать, чем объяснять, почему они этого сказать не хотят.

Кончится тем, что они все равно скажут все то же самое, только времени и сил будет потрачено столько, да и Мокошь еще отругает, потому что у нее с котом все время были какие-то свои секреты. Большие надежды богиня судьбы на кота возлагала.

Так кот и узнал, что тот, кого ему требуется разыскать, чтобы не перебирать всех подряд и не попадать лапой в небо, находится в лицее, и только начинает писать стихи. Он даже видел на глади пруда лицо этого юноши. Чертеночек настоящий. И это как-то показалось знаком, что именно он и сможет сделать то, что не дано никому другому в этом странном времени и этом странном мире, в котором от любимой его Руси ничего совсем и не осталось.

NoNoNoNoNoNo

В Царском парке было тихо и прохладно. Стрекозы и бабочки порхали, шумели лицеисты. И никто не обратил внимания на рыжего кота, а черным Баюн никогда не бывал, потому и не бросался в глаза. Черных котов и тогда боялись и стороной обходили многие, а рыжий — совсем другое дело.

Зато он очень быстро появился перед юными созданиями, и сразу нашел Поэта. Еще бы ему его не найти. Они смотрели в глаза друг другу долго, потом его куда-то позвали, и кот вроде пропал, но как только тот появился в своей комнате, так кота снова и увидел.

На столике рядом с чужим гусиным пером лежал свиток. Кот внимательно следил за ним. Поэт порывисто развернул бумагу и прочитал:

У Лукоморья дую зеленый, златая цепь на дубе том.

Когда он дочитал до конца, то спросил:

– Что это такое, какие чудные стихи, но откуда это здесь? Я не писал такого сроду

Кот чуть не свалился с узкого подоконника, так он загордился собой. А что, разве часто услышишь похвалу, да еще от того, кто сам в стихах толк знает, хоть и зеленый совсем. Но уже почти гений. А то ли еще будет.

– Это наследие наше, что же еще, – проворчал он.

Поэт вздрогнул и начал оглядываться по сторонам, ему хотелось узнать, кто еще был в комнате, где негде было спрятаться даже ребенку, и кто с ним разговаривает.

– Да не вертись ты так, у меня уже голова закружилась.

Теперь юноша скорее догадался, чем понял, что кот говорил сам, да и как могло быть по-другому. Он остолбенел и долго стоял с открытым ртом.

И снова в комнатке повисло молчание, почти гробовое.

Поэт о вторжении кота никому не рассказывал, даже друзьям, потому что те будут смеяться, а то и посчитают его умалишённым и сторониться начнут.

Глава 2 О том, как юноша выяснил, что кот говорящий и много еще чего другого узнал

В комнате все еще царило молчание, потом он все-таки заикаясь, спросил.

– Мне кажется или ты можешь говорить.

– Какой ты бестолковый, – с досадой произнес кот, – ты только что прочитал мою былину, а там черным по белому написано: – Идет направо – песнь заводит, налево – сказку говорит, что же тут непонятного. Это я так тебя хотел подготовить, чтобы ты не особо удивлялся.

– Я помню все, что там начертано, только это ведь сказка.

– Это былина, и в том большая разница, сколько же с таким бестолковым мне возиться придется, – притворно сокрушался наш кот.

– Мы не сочиняли сказки, а былина – это то, что с нами случилось пусть и давно, но то, что было. Разве это так трудно усвоить.

Парень смотрел на него, не мигая, он был умным и сообразительным, но кто же такое явление возьмет и так просто переживет.

– Хорошо, я готов поверить, что ты говорящий, – снова заговорил он.

– Можешь и не верить, мне не тепло и не холодно, – кот лукавил, для него это имело значение, раз он был здесь.

Но он понял, что так они могут говорить сколько угодно долго.

– Почему ты здесь? – наконец пришел в себя юноша.

– А вот этот разговор мне уже нравится, – оживился кот, решивший, что они и до утра не разберутся со всем, что там творится у них.

– Я пришел, чтобы передать тебе этот свиток и это перо. Тебя выбрала Мокошь, это я точно узнавал, и тебе предстоит записать Славянскую сагу, и оставить ее этому миру.

– А кто это, кто такая Мокошь? – спрашивал растерянно парень, – и что я должен написать.

№№№№№№

Да, кот понял, что радовался он рано, и он стукнул себя лапой по лбу.

Этот шустрый юнец, который и языка своего почти не знает, как он может справиться с такой миссией, но могли ли пряхи ошибиться. Может, они просто решили поиздеваться над ученым котом, и назвали первого попавшегося парня, а ты лапы бей и надрывайся с ним? Но нет, они знают его нрав, и поступить с ним так не могли.

И тогда он стал говорить о волхвах, которые остались, когда уже не было богов, чтобы сохранить священные послания. О кумирах и идолах, похороненных где-то в болотах, о людях, которые жизнью рисковали, чтобы сохранить все то богатство, которое осталось никому не нужным, когда проклятый князь решил бога себе нового найти.

Кот говорил о князе Игоре, построившем последний языческий храм, и сгинувшем вместе с родом своим, потому что этого брата его никак пережить не могли вместе со своими святошами.

И пока кот говорил, поэту показалось, что сонм теней стоит за его спиной, и все эти невидимые души были рядом, и новые все прибывали и прибывали. Они говорили что-то тихо и дышали, и от них вело такой силой и такой мощью, что у него закружилась голова, как от первого вина, которое они накануне уже пробовали. Но это сон, такое не может даже присниться.

– Я же православный, – тихо заговорил юноша.

– Да с того проклятого 988 года все православные, где нам других искать. Но все равно остаются люди, которые прозревают и понимают, что все это пустота, и нет там никого и ничего и быть не может, в этом вашем слепоглухонемом и бессильном боге. Если бы вы только знали, какие люди, и какие боги были прежде, то что бы от вашего мертвого православия и осталось?

После этого кот куда-то делся, то ли спрятался, то ли сбежал, парень погрузился в сон. И это был самый удивительный сон из всех, какие только и могли быть. И когда он проснулся, уже не понимая, где сон и где явь, он снова увидел свиток с гусиным пером. Он лежал все на том же самом месте, где его кот накануне и оставил.

И в тот момент он перечитал Лукоморье еще раз, медленно и внимательно. И он понял, вспоминая какие-то сказки, что все это на самом деле существует. И юноша стал вспоминать свой сон. И рука невольно потянулась к перу, а перо к бумаге.

Глава 3 О том, как к нему во сне пришли Руслан и Людмила и много еще кто

Вторжение кота оставило неизгладимый след в душе его. Юноша стал тихим и задумчивым. Но самое главное тот сон, он никому и никогда не мог рассказать о нем, а видел он себя в гридне, в княжеском дворце, на какой – то свадьбе. Как торжественно и красиво было все там в то время, прямо удивительно. И воин, которого звали Русланом, женился на дочери княжеской. И странное было у нее для того времени имя. Ее называли Людмилой. И все пили и веселились, но каким же вкусным был тот мед, даже представить себе невозможно.

И вдруг налетел какой – то ураган, закружил всех, и она была похищена в тот же миг. Они и оглянуться не успели, и не было уже Людмилы рядом. Он видел, как гневался князь, и отправил он всех на поиски дочери своей. Вот, пожалуй, и все.

Несколько дней он искал кота, чтобы расспросить его о сне своем. Спросил у историка знаменитого, была ли у князя Владимира дочь Людмила, и не похитили ли ее прямо с княжеского пира.

– Какова фантазия твоя, но этого ничего не бывало, – заявил историк и долго еще на него взирал.

Он все знал, он только что закончил как раз эту главу, и не верить ему не было резона. Но Поэту хотелось увидеть кота и расспросить его обо всем.

Когда в его комнату ввалились друзья, он едва успел убрать в тумбочку свиток и перо, ему почему-то не хотелось, чтобы они это видели. Хотя он и не знал, почему именно. Нет, он никогда не сможет объяснить им того, что происходило тут накануне.

№№№№№№№№№№

После разговора с тем самым историком, не подслушать который он не мог, кот появился тут. Как он мог не заявиться. Потому что если послал парню сон, то надо будет пояснить, что бы он мог значить. И именно там начало эпоса славянского и было.

– И я там был, мед-пиво пил, – услышал Алекс уже знакомый голос кота и страшно обрадовался, наверное, никому в этом мире он не обрадовался бы так, как коту, имени которого от волнения он никак не мог вспомнить, сколько не старался.

– Врет твой историк и ничего он не ведает, – сразу же заявил кот, проявляя странную осведомленность во всех делах, которые совершались накануне, – а ты кому веришь, мне или ему?

Парень молчал. Он не знал, как ответить.

– Вот и я говорю, – снова повторил кот, – ничего он в этом не понимает, у нашего князя все было, и вера, милая людям была, только он позволил, чтобы ее Черноморы похитили, и чужого мертвого бога притащил, а потом крестил всех огнем и мечом. Это и у твоего историка записано, да и без него любому ведомо.

И снова долго говорил кот, словно старался тот сон как-то продолжить.

– А почему такое странное имя у героя.

– А что странного – то, если первого князя звали Русом, то того, последнего, который спасет Русь нашу, как должны звать? Вот то-то и оно, что Русланом, никакого другого имени не может быть у него.

№№№№№№№№№№

Юноша вспомнил лицо своего учителя, когда спрашивал о князе Владимире, в тот момент он уже понимал, как трудно будет исполнить то, что требовал от него кот. Но разве не говорил ему кот, что пряхи выбрали его, и у него нет никакого выбора. И стоило только посмотреть в глаза кота, чтобы понять это.

– А скажи, наши предки, жившие миллион лет со своими богами, и не знавшие распятого, разве они были глупее и хуже жили? Да как раз наоборот, все беды начались потом, когда этот трусливый безумец душонку свою спасти хотел.

И снова ему пришлось говорить до самой полночи, иногда Баюну казалось, что все напрасно, ничего не получится. Мертвечина так засела не только в душу, но и мозги его, что ничего не получится. Но потом откуда-то снова появлялось вдохновение, и он понимал, или утешал себя, что потеряно не все. Не может быть все потеряно. А утром поэт тайком записывал то, что рассказывал ему кот.

И это было самое удивительное время в его жизни, он проникал в иной мир и мог только дивиться тому, что и как там происходило в те времена.

Глава 4 О том, как все менялось до неузнаваемости, и он ничего не мог поделать

Как и в каком пылу и жару рождалась поэма, сказать мог тогда только кот. Она где-то оставалась в свитках, появлялась и исчезала снова.

И вот уже рассказал он историю волхва, влюбленного в прекрасную ведьму и ради нее поднявшуюся на вершины познаний. И казалось, что весь мир теперь странно переменялся.

На вечеринке какой-то, когда прощался с лицеом, он спросил у историка о волхвах, и тот страшно побледнел. Он словно бы хотел понять: откуда Алексу это может быть ведомо. Сам он во всех своих трудах и словом о том не обмолвился, старался все делать, что история начиналась с того самого 988 года, словно тысячу лет до него ничего в мире славян и не было и быть не могло. А ведь проросло в их душах, просочилось как-то, словно трава сквозь камень пробилась.

Но узнать и понять этого историк никак не мог. И только смотрел на него так, словно тот уже утонул и оставался на дне того самого неведомого озера. Какой странный сон мог присниться ему в такую пору, все это казалось необъяснимым и таким загадочным.

Но вот уже добрался Руслан до жутких чертогов Черномора, чтобы спасти свою Людмилу, и вернуть ее на Русь.. Милая людям вера должно была вернуться.

На этом поэт оборвал повествование, в один прекрасный момент он понял, что может случиться, если такое произойдет, и тогда со спящею княжной отправляется он домой, чтобы быть убитым.

NoNoNoNoNoNo

На этом месте кот и ввалился в комнату, где он писал поэму.

– Убил все-таки героя, кто бы сомневался, – возмутился Баюн, – только сказки ты, видеть, плохо слушал, потому что воскресает он снова. Хочешь ты того или нет, она все равно воскреснет.

– Это как это? – растерянно спросил юноша.

– А живая и мертвая вода на что, одна исцеляет раны, а другая и оживляет душу, – только и рассказывал кот, – да и Яга у нас пока еще жива, никуда она не делась и ничего с ней не делается.

Говорил кот в какой-то гробовой тишине, так что даже сам пожегился немного. Кот немного помолчал.

– Да что у тебя за бабушки такие были, что все с самого начала рассказывать тебе надо, и что это за люди такие народились, все бы у них чужое было и ничего своего – прямо беда какая – то с ними. Чужое холят и лелеют, а своего и знать не хотят.

Он долго еще возмутился, но это принесло свои плоды, поэту пришлось оживить героя. И Волхв пришел к нему на помощь, чтобы Руслан дошел до княжеского дворца и вернул странному князю дочку его милую, и с врагами сражался и стал князем Русланом в этом мире.

– Теперь все, – заявил кот, – перепишу это пару раз, и пойдет, только припрятать надо.

– Да зачем же, – удивился поэт, – если это напечатать можно.

И кот расхохотался.

– Прости. Не удержался да и заглянул туда, где печатали уже, там камня на камне не останется от нашего творения, не знаю, как ты и твои учителя умудритесь все так испохабить, но я слезами обливался, когда смотрел на то, что они печатали вместо того, что мы нынче сочинили

NoNoNoNoNoNo

Слова кота в тот вечер прозвучали до невероятности странно, только даже сам факт, что он говорил, не был ли самым странным событием. Потому, закончив поэму и доверив коту ее переписать, он завалился спать, только и прошептал:

– Этого не может быть.

И черный всадник остановился на миг перед не закрытым окном, взглянул на юношу и произнес растерянно:

– Какой же он наивный, да чего только не может быть в этом мире, еще как будет, тут нашего кота Баюна не обманешь.

Но слов этих юноша слышать не мог, и никакого всадника не видел. Он спал и улыбался во сне, хотя еще не мог осознавать, что же он сделал, что сотворил для своей бедной и несчастной Руси, которую в своих цепких кривых пальцах крепко держал Черномор и все те, кто служил ему верой и правд

И между тем, он все-таки сделал это, и только за это сказание его, как первую любовь, не несчастная Россия, а прекрасная и величественная древняя Русь не забудет. Пока у нее есть такие коты и такие поэты, она жива и будет жить дальше, возродится из пепла и станет еще прекраснее, чем была раньше.

Но что же получается, если не будет кота и поэта, то она погибнет, исчезнет, то от нее и следа больше не останется?

На следующее утро рукопись лежала на столе, кот незаметно вернул ее. Только тогда все и началось. А ведь он думал, что закончилась.

Его со всех сторон окружили Черноморы., один страшнее другого, и не было им числа, и ни отступать, ни сдаваться они не собирались. Конечно, и один в поле воин, если он Пушкин. Но не слишком ли неравными были силы.

Интересно, знал об этом кот или он ничего не ведал о том? Спросить он никак не мог, потому что кот куда-то пропал и больше не появлялся ему на глаза.

Глава 5 О том, что сделал и чего не сделал побежденный учитель

Поэта со всех сторон окружили Черноморы.. Они были разными, и многие из них поэтами и очень даже образованными слыли.. Но от этого они не переставали быть черноморами ни на миг. Душили, давили, издевались, запрещали. Делали все, чтобы ни о каком Руслане, ни о какой Людмиле не было ни слуху, ни духу.

Он сразу же понял, что слово Волхв страшнее любого ругательного в этом мире, они краснели и бледнели так, что страшно за их рассудок становилось.

Яга и ведьма были такими чудовищами, что, кажется, проглотить готовы были всех. И сама история превратилась вдруг в историю северного волшебника Финна, и его возлюбленной со странным именем Наина. Какой злющей и противной она стала, но он убеждал себя, что все-таки сохранил их, пусть и в таком искаженном виде. Но они работали над творением, ему приходилось уступать, соглашаться с какими-то доводами, чтобы можно было напечатать свой труд, никого не обидев. И ему хотелось напечатать, не только потому, что это была первая его поэма, он знал, что не хватит дерзости такое снова написать. Муза не позволит ему издеваться над собой, а то и совсем отвернется.

И то, что принес ему когда-то кот, станет вступлением, а там он умрет, но не даст убрать ступу с Бабою Ягой, и тот, кто хочет, тот догадается, кто такая Наина, хотя она и тогда останется злобным чудовищем, но это лучше, чем ничего.

Руслан остался, и он торжествовал, Людмила – это имя совпало с именем героини из сказки учителя, того самого, который и упорствовал больше всех, и он решил, что поэт просто подражать ему хочет, хоть это совпало. Осталась и Людмила – они показались им не так страшны, как волхвы и ведьмы, и это уже не так плохо. И постепенно они смирились в новом творением, непонятным и таившим в себе неведомую опасность.

№№№№№№

Без волхва и Яги все стало вроде не так страшно и для смиренного учителя, но непонятно совсем по сюжету, и там словно вынули душу из самого творения. Ни с одним другим сочинением они так не поступали, его либо просто запрещали, либо разрешали, решив, что никто не догадается, что там на самом деле написано

И все-таки Руслан возвращал Людмилу, убивал Черномора, тоже иноземного карлика, из совсем других мифов, и возвращался назад в стольный Киев, чтобы доказать, что Русь жива, и они победили всех чужаков.

Для него, слышавшего сказания Баюна, все это было понятно, но они, те, кто никогда кота не слышали, что могут понять из этого писания они?

И все-таки он слышал, как уговаривали его историк и учитель на два голоса, что это никуда не годится. И он не мог устоять перед этими двумя глыбами мрака, да и кто бы мог?

Он слушал и думал о том, что найдет тот вариант, кот ведь унес с собой, и сам он не умрет до тех пор, пока не опубликует и его. Тогда и будет в мире две поэмы, пусть каждый свою выбирает, кому какая ближе и это будет справедливо, разве не так.

И только после этого он мог смотреть на печатный экземпляр, где красовалась знаменитое: « Победителю ученику, от побежденного учителя».

Но тогда он узнал, что в любой победе, а особенно в такой, кроется поражение. Он испытал это на собственной коже и на собственной душе

Глава 6 О том, как никто ничего не мог понять, и портрет волхва остался незамеченным

И все-таки бунтарская душа поэта не смогла смириться с тем, что от славянского эпоса, который он полюбил всей душой, осталась только сказка странная и не особо внятная, а ведь это было настоящее чудо, разве не так?

Но даже не это самое главное, он кожей чувствовал, что правда там, она такая, какой ее кот Баюн видел. Нет, и не может быть никакой другой правды в этом мире. И снова и снова перечитывал только Лукоморье, не в силах прикоснуться к изуродованным стихам и образам, это было свыше его сил., это стало самым страшным разочарованием, чем-то постыдным в его жизни, хотя потом бывало много всякого, но именно юношеская поэма осталась самым большим укором.

№№№№№№

И все-таки кот вернулся, и повел его в заповедные и дремучие леса, что это было за путешествие. И тогда он написал стихотворение о русалке, которая утащила очередного Черномора в озеро, и там он и сгинул навсегда. Но разве это достойная месть за загубленную поэму? Короткое стихотворение, хотелось бы чего-то большего. Но на большее в тот миг он не был уже способен. И все-таки как шипели святоши, ведь целый скандал разразился, и появился волхв его рядом с князем Олегом.

Волхвы не боятся могучих владык

И княжеский дар им не нужен, – повторял он, словно заклятие и при этом чувствовал себя сильней и выше, сам был одним из таких волхвов. И вот чудо – в тот миг вырастали крылья у него за спиной, он готов был парить над милой Русью.

Там, в лесу, он читал коту эти строки, и тот внимательно его слушал:

– Волхвы не боятся могучих владык

И княжеский дар им не нужен, – вслед за ним повторял кот, и ему казалось, что они достигли чего-то важного и существенного, они продвинулись к заповедному лесу и ко всем его обитателям.

Только о себе или чародее он говорил так пылко и так яростно? Нет, о себе все-таки, это он был последним волхвом.

Глава 7 О том, что творилось в то время в заповедном лесу

И в те мгновения в заповедном лесу около священного дуба, он и сам чувствовал себя древним волхвом, но о поэме они не говорили. Было очень горько и больно оттого, что он победил самого себя, и гордиться здесь было нечем, скорее наоборот.

И потом, в степи, в метели, он видел бесов. Они кружились в вихревых столбах, визжали и готовы были до него добраться, дотянуться. Кот и тут удержаться не смог, и показал их ему, гадая, напишет ли он их такими, каких видел или не напишет, и он написал. И заскакали бесы в строчках его зимнего стихотворения.

Это были вовсе не те бесы, от которых притворно крестились святоши, наивно полагая, что они могут бояться их крестов, какая дикая глупость. Нет, его бесы были древними, настоящими, и кот мог бы гордиться ими, да он и гордился. Но это было только каплей в море из того, что он мог сделать и не сделал для своей Руси.

– Ты молодец, – мурлыкал во мраке кот, – не все потеряно, ты все-таки не оставался все это время глух и слеп, и чем черт не шутит, может быть там, в грядущем, я найду еще кого — то подобного. И он подхватит твою странную песню и понесет ее дальше, тогда, глядишь нам и конец света удастся отложить еще на какой-то срок. Нет, он наступит, конечно, он наступит, но мы вырвем у забвения еще какое-то время и будем жить и не тужить. А там уж что получится.

№№№№№

В последний раз Баюн появился в те часы, когда он был смертельно ранен и умирал.

Увидев кота, Поэт понял, что не успеет сделать самого главного и напечатать настоящую поэму. Учитель, этот страшный и странный тип, словно чувствовал что-то и не отходил от него до последней минуты. Наверное, не стоит так говорить, он заботился, он переживал. Но страх был в его глаза, он боялся, что гений договорится со своим котом, и они смогут найти и напечатать то, что ему так долго удавалось прятать от всего мира. Сам себя он считал Хранителем и был уверен, что у него все получилось и еще получится. И все-таки он успел попросить у кота, стоило тому только на миг отвлечься.

– Обещай мне, что та поэма появится, что она увидит свет, там будет волхв, а не Финн, и наша Яга, а не та чудовищная Наина.

– Обещаю, – услышал он голос кота.

Дремавший в кресле учитель очнулся, но он понял, что это шелест деревьев за окном.

Через пару часов он умер спокойный. Он верил коту, и знал, что настоящая Славянская сага будет напечатана, ведь без этого все остальное не имеет никакого смысла.

Поэт улыбался, успокоенный, проиграно сражение, но война продолжается, и покой нам только снится.

– Я уйду, но я вернусь, – пообещал он какому-то призраку,

И ему показалось, что призрак ему ответил, усмехнулся, кивнул. И снова растаял. Призрак был красив, да что там. просто прекрасен

– Он спасет этот мир, мне не удалось, а он его спасет обязательно.

Часть 3 Начало века

Глава 1 Под Грезы Шумана и зыбкий стон Шопена

28 ноября 1880 г., , Российская империя [Санкт-Петербург](#)

Луна казалась тусклой и сонной. Ноябрь разменивал последние дни и готов был кануть в вечность, уступив дорогу декабрю.

Кажется, он задержался лишь для того, чтобы послушать чудесную музыку Шопена. А она в старой усадьбе звучала не часто. Пианист был гениален, без всяких преувеличений. Он оказался среди гостей, потому что девять месяцев назад он женился на дочери профессора.

Говорят, это была любовь, да кто же его знает, что толкнуло его к этой милой, очаровательной девушке. Она —то была покорена его гениальностью, а вот он, как знать. Иногда казалось, что он любил только музыку в себе и себя в музыке, и был уверен в том, что жена не станет ему в том мешать, с ее —то деликатностью и тактом.

Профессор был добр и сердечен, а вот жена его, скорее наоборот та еще светская львица. Во взгляде ее читалась какая-то дерзость и неприятие зятя. И никакие таланты не смогли бы облегчить его положения, а потому он всей душой рвался в свою Варшаву, скучал, хандрил в Петербурге и никак не мог поверить, что женат, что скован какими-то жуткими узами, все от него чего-то хотят, смотрят странно и оценивающе.

В такие минуты, он умел отключаться от реальности и погружаться в музыку, и хорошо, что у профессора в доме был рояль, прекрасный рояль, его зять о таком мог только мечтать.

Но надо было исполнить на этот раз мажорную «Балладу». Здесь были гости и самыми громкими и известными в свете, в ученом свете именами, он мог очаровать их только музыкой, и Шопен, а потом Шуберт и может быть Григ ему в том помогут, но пока Шопен. Никто не любил великого поляка так, как этот пианист, новоиспеченный зять знаменитого профессора

№№№№№№№№

Он погрузился в музыку и не слышал шума, споров за спиной, ему не хотелось смотреть на гостей, слушать их, потому что он не считал себя ровней, и это его раздражало и порой бесило, а ярость плохой помощник для пианиста, каким бы талантливым он не был.

Но был там один человек, которого он мог бы считать своим, близким, понятным, это был Федор Михайлович Достоевский. Пианист замахнулся именно на русского гения не больше, не меньше, просто было в нем что-то близкое и родное, родство душ, когда понимаешь это с первого взгляда.

Догадывался ли о том сам писатель, кто его знает, как и о том, что этот поляк знал его, думал о нем и исполнял музыку именно для него. Федор Михайлович относился к музыке очень осторожно. Если погрузиться в нее, то можно утонуть, она задевает те потаенные струны души, которых едва только касается слово, она действует на сознание быстрее и сильнее, потому он умел отключаться и не слышать, и едва улавливать эти звуки, погруженный в размышления, в разговоры о самом главном.

Он любил бывать в доме профессора, хотя и чувствовал там себя не совсем в своей тарелке. Ему хотелось поговорить с его суровой женой, знавшей Пушкина живым, это же фантастика какая-то, но так и было. Она высоко ценила его речь о Пушкине, и может быть потому он был желанным гостем в доме, но поговорить по душам не решался, она не приглашала к такой беседе, а он не мог напрашиваться.

№№№№№№№№

Но в тот вечер музыка профессорского зятя зацепила сознание его сильнее, чем обычно, и хотя это была мажорная Баллада, он не помнил номера ее, но чувствовал, что окрылен и вдохновлен, тот был настоящим бесом, совсем как его герои.

– Странно, – размышлял Федор Михайлович, – он словно бы сошел со страниц моих книг, черт, пытавший Ивана, воплотился не в толстую купчиху, а в красавца пианиста, от которого он и сам не мог глаз оторвать, а что говорить о молоденькой девице, для нее это был удар молнии, смертельный удар.

Писатель хотел взглянуть на ту, одну из четырех дочерей, выбравшую себе такого мужа, но ее нигде не было видно. Хотя они все были так похожи, но ее он выделял, обдумывал роман о гении и злодействе, где эта отважная молодая женщина станет главной героиней, и из-за нее только гениальный поляк шагнет на страницы его нового романа.

Но не только дочери профессора, он и жены его нигде не мог отыскать среди гостей. Что-то странное творится на этот раз в уютном доме, сам же профессор спокоен и мирно беседует с кем-то из своих коллег, наверное, и удар грома, и ослепительная молния не нарушат его покой. Здесь точно есть покой и воля, как говорил Пушкин, потому писатель отдыхал здесь душой и покидал профессорскую усадьбу с большой неохотой, словно боялся, что не сможет больше сюда вернуться никогда. А дурные предчувствия его редко обманывали

Глава 2 Свершилось

Жена профессора, о которой с такой теплотой думал великий писатель, была на верхнем этаже дома странно взволнована, ходила из угла в угол и оглядывалась на дверь, словно вот-вот должно было случиться какое-то землетрясения, и она не знала, что нужно делать в такие минуты.

Конечно, знала, все она знала, но ждала служанку и вестей с невероятной силой. Музыка долетала до нее какими-то оброками, она даже не пыталась понять, что там звучит. Она не понимала другого, как ее зять может быть так спокоен, хотя может быть именно так он пытается заглушить свое волнение, только волнуется ли он вообще, способен ли волноваться, что его может взволновать?

Она попыталась отвлечься и вспомнила о том, что давно собиралась поговорить с Федором Михайловичем о Пушкине. Ведь для него, наверное, бесценно то, что она может ему рассказать. Надо дать ему почитать ее записки, узнать, что думает он по этому поводу. Он так тонко и глубоко все чувствует, он видит такие высоты и такие глубины, о которых остальные не могут и догадываться, наверное, провидение не случайно привело его в их дом и дает им обоим шанс поговорить о самом важном на свете. Она скоро этим займется, вот переживет все, что должно случиться в эту ночь и тогда со спокойной душой назначит ему свидание.

№№№№№№№№№№

И тут вдруг зазвучали «Грезы» Шумана. Она удивленно подняла брови, слух обострился как раз в тот миг, когда он начал исполнять это гениальное творение. Она остановилась у окна, сменила гнев на милость и решила послушать, когда и где еще она такое услышит.

В тот вечер она убедилась в его гениальности окончательно и поняла, что ее дочь обречена, такие вот два открытия жена профессора сделала одновременно, а потому печаль и радость слились воедино. Нельзя было дочь к нему подпускать, нельзя. Но она был слишком занята Пушкиным, своими переводами, делами мужа и дочерей, и упустила тот момент, когда еще можно было отправить его подальше, отказать ему. Но это можно было сделать до того момент, когда его прекрасные руки опустились на клавиши рояля, а после этого даже она не смогла спасти свою дочь, а что говорить о профессоре?

Но как не хотела, она не смогла дослушать Шумана до конца. В дверь постучали, и она бросилась к двери, все понимая, теперь стало уже не до музыки.

Глава 3 Рядом с гением

Федор Михайлович жестом остановил собеседника и как-то боком, боясь кого-то задеть ненароком, двинулся к пианисту. Надо было поближе взглянуть на того, кого он собирался сделать героем нового романа. И музыка, он отважился впустить ее в душу, сколько не убегай и не прячься, она все равно тебя настигнет, заставит слушать и слышать. Это величайшая глупость прятаться от нее. Никакие беседы самые невероятные не заменят нам музыки, ее полета и вдохновения.

Кажется, что-то разбудило пианиста и толкнуло его к человеку, осмелившемуся к нему приблизиться. Он взглянул на писателя удивленно и растерянно и снова погрузился в музыку, не надо отвлекаться, даже такое сближение не может его отвлечь от клавиш, от вечности, от Грез.

Смушение Пианиста заставило писателя улыбнуться, он утвердился в мысли, что тот станет главным героем нового романа. Его надо начать писать прямо сегодня, ведь время безжалостно уходит, ему почти шестьдесят, может и не успеть. А ведь это будет роман о гении и о музыке, ничего подобного он до сих пор не писал, пока не встретил Пианиста. Написать хотя бы в благодарность за то вдохновение, которое он подарил этим вечером.

№№№№№№

Многие заметили, как вдруг поднялся со своего места и посмотрел на верх сам профессор. Неужели что-то могло нарушить его покой, прервать беседу, ведь минуту назад он был так увлечен.

Но он посмотрел на второй этаж именно в тот момент, когда там раздался пронзительный крик ребенка. Всем, кто был внизу, он был прекрасно слышен. Застыли на клавишах прекрасные руки пианиста. Он должен был броситься туда, но сидел неподвижно, кажется, даже не дышал.

Дверь распахнулась, и к гостям вышла высокая и стройная в белом наряде жена профессора, улыбнулась одним лишь ртом и сказала, что на свет появился мальчик, профессор стал дедушкой, а пианист отцом.

Она говорила еще что-то, но голос ее потонул в отдельных фразах, все бросились поздравлять профессора Бекетова, звучали теплые слова, наполненные радостной нежностью, на свет появился новый человек.

Но в тот день никто не мог знать, что он станет первым поэтом в России через два десятка лет. Великий писатель, бывший в тот день в доме, уйдет из жизни через пару месяцев и не успеет написать роман о гениальном пианисте, у него просто не останется для этого времени.

Мир стремительно летел в пропасть к войне, революции, но в тот ноябрьский день никто не мог об этом думать, они радовались, они были счастливы. Они стали свидетелями великого события, столько раз потом описанного в воспоминаниях.

И музыка, великая музыка сопровождала поэта все годы его тяжелой, но напиленной вдохновением и творчеством жизни.

Глава 4 В плену у Мертвой царевны

Поэту снился удивительный сон, он повторился снова и снова, менялись детали, но сам сон оставался неизменным, морская гладь без конца и края. И по поверхности ее скользила прекрасная лебедь – дева птица, птица с женским лицом.

Кажется, она шагнула в этот мир из сказаний древних славян. Ему казалось, что он может достать до нее, если протянет руку. Но он словно бы окаменел, и тогда она уплывала от него все дальше и дальше, и понятно было, что ее уже не достать, до нее не дотянуться. Но она чаровала, она звала его с собой, и нужна была невероятная сила, чтобы устоять на том самом берегу, чтобы не шагнуть в безбрежность вод и не утонуть.

– Она пришла не за тобой, ей нужен художник, – слышал он голос где-то рядом, но он не поворачивал головы, ему не хотелось видеть того, кто произносил эти слова.

Поэт не сомневался, что пройдет какое-то время, и он встретится с царевной, обязательно встретится, только где и как будет происходить эта встреча, он не знал, а в том, что она случится, не было никаких сомнений.

№№№№№№

Ветер на Невском в тот вечер был особенно свиреп.

Поэты брел, не разбирая дороги, понимая, что он удаляется от своего дома, значит, возвращаться будет дольше и труднее. Но его вела какая-то дивная сила, и он просто шел и шел, не думая о том, что случится потом, как и что там будет дальше, сможет ли он вернуться домой. Такой лютый ветер может сбить с ног и заморозить упряма, который идет куда глаза глядят и не поворачивает домой.

Ему ли не знать, что все самые невероятные события и необдуманные поступки совершаются именно так, как правило, о том ему не приходилось жалеть. Но как знать, может на этот раз он пожалеет обо всем.

Наконец он почувствовал, что пришел туда, куда нужно, огляделся внимательнее, не понял, что это было за место. Остановился перед дверью мастерской знаменитого художника, хотя ни о чем не думал, и не собирался к нему в гости без приглашения. Как вообще можно вторгаться в жизнь творца, если тебя туда не приглашали? Это просто недопустимо, так нельзя поступать, – убеждал его незримый спутник, наверное, и толкнувший сюда, но по дороге он передумал и теперь пытался удержать поэта.

№№№№№№№№

Как правило, он, так и не поступал никогда. Вот и на этот раз решил молча уйти, понимая, что с ним, с его творениями будет связано что-то очень важное, но тяжелое, может быть гибельное. А он был так молод, все только начиналось, он не написал еще самое главное, все это только подступы к творчеству, столько всего впереди. И все его шедевры еще на свет не появились, но обязательно появятся, для этого он пришел в мир и не уйдет, пока не сотворит всего, что от него требовалось высшими силами.

Но с кем он мог тут встретиться? С демоном, конечно с Демоном, о котором так много говорили поэты, то с восторгом, то с ужасом. Никто, наверное, не хотел так страстно увидеть Демона, сидящего среди каменных цветов между небом и землей, и не желавшего больше двигаться.

Демон снился ему, он писал, и снова будет писать о нем, но там, за стенами Мастерской была картина, которую он не мог не увидеть сегодня, сейчас. Незримая, она манила, она влекла за собой. Ради этого он готов был нарушить все приличия, разве не так поступил бы и сам Демон, не тот дерзкий гусар, а возвращенный в его воображении герой прошлого и грядущего.

Глава 5 Мой Демон

Где-то в глубине души Поэт и сам привык считать себя Демоном. И не тем, которого нарисовал в свое время мятежный гусар, а вот с этим тяжелым, многогранным воплощением его на полотнах, где все время были то лиловые, то черные тона, и самого Демона не так просто было разглядеть в нагромождении мазков гения. Надо было всматриваться и вслушиваться, только тогда он проявится, откроется и может, явит свою суть сам, если захочет, если посчитает нужным.

Поэт считал художником гением, что бы там о нем не говорили новоиспеченные критики. Он мог рассматривать его полотна часами, и сила притяжения тех полотен становилась все явственнее. Не эта ли сила и привела его сюда, он не почувствовал даже, что начал замерзать и нечем было дышать больше. Надо возвращаться, иначе он совсем замерзнет и не сможет двигаться. И тело его найдут случайные прохожие, узнают и это будет самой громкой сенсацией завтрашнего дня. Но пока ему не хотелось творить такие мифы, он должен был жить и писать.

Но словно по воле каких-то непроизнесенных волшебных слов, дверь в мастерскую распахнулась, и какая-то дама предложила ему войти. Похоже, что это была знаменитая певица, жена художника, хотя в полумраке этого не рассмотреть,

– Да проходите же скорее, там так холодно, сколько же можно стоять? – она показалась ему феей из неведомой страны, спасительницей, и он, с трудом сдвинувшись с места, вошел в полутемную прихожую, кто-то помог ему снять пальто. А та самая дама проводила его в просторную Мастерскую. Но все это происходило словно во сне, он не чувствовал реальности, не ощущал ее совсем от холода или волнения, вдруг охватившего душу.

№№№№№№№№

Художник сидел перед мольбертом около окна, там, где света было чуть больше, и работать легче, и теперь повернулся к гостю, с интересом его рассматривая.

Поэт начал что-то неторопливо объяснять. Говорил о том, что он не собирался вторгаться, но все вышло само собой, а ноги сами привели его к Мастеру.

Художник остановил его каким-то едва уловимым жестом.

– Ко мне все так приходят, я знал, что вы будете нынче. Сон приснился, и я ждал вас, попросил Надюшу посмотреть, где вы запропастились.

Стала любопытно, что скрывалось за словами, знал ли он, кто перед ними стоит, или просто знал, что кто-то будет у него в гостях.

Слава его была огромна, но среди стихотворцев, художник жил совсем в другом мире, и он не обязан был что-то о нем знать.

– Ваши Прекрасные Дамы столько шума наделали, вот и моя жена только о них говорит, – прибавил Мастер, заставив гостя смутиться.

Хотя для кого было секретом его имя, его слава, и все-таки в данный момент, в данном месте это прозвучало неожиданно и смутило, хотя такое случалось крайне редко, недаром его прозвали Снежным королем. Хвалу и клевету он принимал равнодушно, как и завещал гений золотого века.

Впрочем, и смятение и смущение быстро растаяло. Словно зачарованный, он подошел к полотну и замер перед ним. И это был не Демон, к которому он шел так долго и упорно, вовсе не Демон, это была прекрасная царевна, Царевна лебедь плыла куда-то вдаль, едва повернув голову и увлекая его за собой в те бездны на тот свет, на остров Буян. Она звала, она манила, она просила следовать за ней.

Он так часто слышал сказки, знал, что она приходил в этот мир за кем-то из живых, чтобы увести его с собой в свой мир, на тот самый остров Буян – остров мертвых, где и встретил ее князь Гвидон и сделал своей женой.

Как же она была прекрасна, глаз не оторвать. При всей своей проницательности поэт не ведал, что встретит тут такую красоту, что забудет на время про Демона, будет стоять перед ней и не двигаться, не дышать даже.

Глава 6 Поэт и Художник

Художник наблюдал за ним молча, он отложил кисти, повернулся спиной к полотну, что очень удивило его жену, любимую единственную жену, но и она сама укрывшись в тени другого полотна, того самого Демона сидящего, наблюдала за поэтом. Муж был прав, она читала все новые его стихотворения, она знала его Прекрасную Даму чуть ли не наизусть и чувствовала, что он еще сможет написать самое лучшее и прекрасное творение, а ведь уже звучала «Незнакомка», и это стихотворение сводило многих с ума.

Сколько раз она перечитывала текст, стараясь понять, в чем его колдовская сила, но так и не смогла этого узнать.

Дыша духами и туманами,

Она садилась у окна.

И пахли древними поверьями

Ее волнистые шелка, —

прошептала Надежда и смолкла, боясь, что поэт ее услышит.

Но он ничего не слышал, он смотреть на Царевну Лебедь и не мог оторвать взора.

– Как вам это удастся? – очень тихо спросил он

– А так же как вы уводите всех женщин, наших жен тоже своей лирикой, своим порядком слов, чарующей души музыкой.

Поэт ничего не это не отвечал, даже и не слышал того, что говорилось.

Надежда поскорее улизнула куда-то, она не хотела слышать того, о чем говорил ее муж, боялась выдать себя.

Поэт оглянулся по сторонам, словно искал ее, наверное, хотел сравнить с той, которая не отпускала его и на миг.

– А ведь вы пришли не к ней, – услышал он голос художника.

– Да, конечно, к Демону, но не сейчас, не в этот раз, потом, – забормотал он, – этого слишком много для одного раза. Живопись не знает пощады, она захватывает наши души целиком и больше не отпускает. Лебедь меня точно не отпустит, я знаю это, она страшнее Демона, и прекраснее.

NoNoNoNoNoNo

Жена художника упрекала себя за то, что оказалась такой не гостеприимной, не предложила гостю чаю, хотя все было готово к чаепитию. Но она не смогла выйти к ним и вести себя свободно и непринужденно. Она боялась упреков ее гения, а еще больше презрительной усмешки Поэта. Что происходило с певицей, для которой сцена была родным домом, как такое вообще могло происходить в ее собственном доме, рядом с любимым мужем.

Но она ждала, пока он уйдет и вернулась к мужу только когда хлопнула дверь, и поэт растворился в метели.

Мастер ни в чем ее упрекать не стал. Он все понимал, он ее так хорошо знал, и даже радовался, что она не вышла, не возникло неловкости, в которой он пребывал бы, окажись его жена и Поэт лицом к лицу. Наверняка ничего страшного бы не случилось, хотя, как знать, нам не дано предугадать как слово наше и вот такое свидание отзовется. Но стоит ли искушать судьбу, ведь у него есть только одна женщина и никакой другой никогда не будет.

NoNoNoNoNoNo

Поэт довольно быстро шел в сторону своего дома, кажется ему удалось избежать того притяжения, он смог вырваться из Мастерской, а это стоило немалых усилий, ведь он глаз от Мертвой царевны не мог отвести.

Он вспомнил о жене Мастера, сумевшей как-то ускользнуть и спрятаться, теперь это вызывало досаду, кажется, ей до него не было дела. Она сама умела чаровать и притягивать

к себе людские души. Но она ли была изображена на полотне? Это и хотелось выяснить поэту, ведь мистика картин известна всем, а у его картин сила двойная и тройная. Вряд ли он стал бы так рисковать, изображая ее, там застыла совсем другая красавица, наверняка совсем другая. И хотелось узнать, кто она такая, и разыскать ту, изображенную на полотне. Но как и где ее искать?

Чай поэт пил дома с тетушкой и матушкой и рассказывал, куда он на этот раз забрел и что там видел.

В тот день они не могли знать, что Мертва царевна очень скоро увлечет на остров Буян, в свое царство самого художника, что она пришла за ним и сторожит его покой и сон, боясь его отпустить. Она не умела и не любила ждать. В тот вечер поэт размышлял о том, как страшна красота, какая в ней скрыта невероятная сила и прелесть, сколько всего там кроется. А ночью, во сне, он видел, как уплывает от него Лебедь в мир иллюзий. Он встретился с ней, он увидел ее, потому она решила его оставить в покое.

– Она уплыла, но обещала вернуться, – сказал он утром матушке.

И она поняла о чем он говорит.

Больше они о магической картине не говорили никогда.

Глава 7 Встреча в ресторане

Ресторан шумел, гремел, визжал и переливался всеми цветами радуги. Мелькнула черная роза в бокале Аи, как тогда.

Два господина подошли к столику у окна с разных сторон и уселись друг напротив друга так, что свет падал на их лица, но они почти не были видны остальным обитателям этого заведения. Но если бы и были видны, те никакого внимания на них не обращали.

И хотя и тот, и другой частенько сюда заходили, но до сих пор не пересекались в модном этом заведении. И потому оба подумали об одном, почему этого не случилось до сих пор, ведь мир так тесен, а мир Петербурга тем более. Но судьба все устраивала так, что бывали они здесь в разное время, а высокий и Насмешливый часто отсутствовал, его не было в родном городе подолгу, дух странника жил в душе его всегда, не сиделось дома сроду. Но теперь он все-таки вернулся, увидел, что высокий красавец туда направляется и последовал за ним, и решил, что чем черт не шутит, им наконец надо посмотреть в глаза друг другу. Он никогда не был трусом, более того, он отличался безмерной храбростью, совсем как Демонический гусар, когда-то погибший на дуэли, на Кавказе. И что же, получивший два Креста Святого Георгия за храбрость на войне, он избежит встречи с Демоном здесь? Да не бывать этому.

№№№№№№

О чем думал тот второй, трудно сказать, на неподвижном лице, больше похожем на маску, ничего не отражалось. Он только морщился, когда одна или другая девица пристально на него смотрели и называли по имени. Но приблизиться не решались, они понимали, что в этом их свидании есть что-то более важное, значительное, чем очередная встреча с такой девицей, она подождет до другого раза, он тут появится и завтра, и послезавтра и вот тогда они его не оставят в покое. Нынче девицы были на диво деликатны.

– Мне хотелось взглянуть на вас вот так вот близко, – заговорил Насмешник.

Печальный ничего не ответил, хотя, вероятно, и ему тоже хотелось взглянуть.

Он должен был спросить, чем вызван такой интерес, но никогда ни о чем не спрашивал, словно ему заранее был известен ответ на этот вопрос. Насмешник понял, что говорить придется ему одному, но это его не смущало, раз сделал первый шаг, то можно сделать и второй, вред ли им еще представится такой случай в этой жизни, может быть когда-нибудь потом, в другом времени и пространстве.

Печальный перевел взгляд на девицу, сидевшую с кавалером напротив, подумал о том, что стоило ее поманить, и она бросит своего кавалера и пойдет за ним, сколько раз он повторял этот трюк, и всегда все так и получалось. В другой раз он убедится в том, что неотразим, пока же ему хотелось услышать, что скажет его собеседник. Не было сомнения, что друг другу они тайно враждебны, но тут было что-то больше, чем вражда двух больших поэтов, вынужденных терпеть друг друга.

– Вы всегда мешали мне, – выпалил Насмешник.

Он сам не знал, что скажет это, а вот сказал и смутился. Никто не просил его быть настолько откровенным, да и когда и у кого он спрашивал позволения?

Но Печальный не заметил этого смущения, он говорил отрешенно:

– Мне тоже всегда мешал Пушкин.

Они не пили в этот день, что крайне удивило расторопного официанта, тот прекрасно знал, сколько может выпить за вечер Печальный. Про его спутника он мало что знал, но, чтобы не пил этот клиент, что же такое с ними могло случиться. Уж не о дуэли ли они думают?

№№№№№№

Они думали не о дуэли, потому что только один из них умел стрелять без промаха, и прослыть новым Дантесом он не собирался, ему проще было пустить пулю себе в лоб, проще

остаться голодным, чем жарить соловьев, чтобы насытиться. Так он успел сказать о Печальном перед войной, когда узнал, что тот тоже пойдет на фронт. Он так и сказал: «Это то же самое, что жарить соловьев» И хорошо, что тот не слышал его, потому что возмутился бы, видимость обманчива, в своей усадьбе он мог прекрасно и дрова колоть, и заниматься иными делами, далекими от поэзии, и слабаком никогда не был.

Молчание затянулось. Проще всего было встать и уйти. Но Насмешник все-таки произнес те самые слова, которые остались потом в мифах о них только потому что Печальный привык все записывать в свои дневники и записные книжки, не задумываясь, пригодиться ли это ему когда-то, прочтет ли он или кто-то все эти записи, это не важно, его делом было записать, оставить зарубки на память..

– В вас были влюблены все мои женщины, – выпалил Насмешник, и на этот раз улыбка, больше похожая на насмешку, не озарило его лицо, оно было каким-то неподвижно и печальным, таким его видели крайне редко.

Он поднялся и резко вышел, бросив официанту какие-то деньги, вероятно не маленькие, потому что тот не произнес ни слова.

№№№№№№№№

Печальный продолжал сидеть за столом, пытаясь вспомнить тех самых женщин, о которых говорил с ним Насмешник, мелькали лица, слова, свидания, коим не было числа, но ничего конкретного он не мог вспомнить. Наверное, сказанное сильно преувеличено, – решил он про себя.

Печальный лукавил, конечно, он лукавил. Он прекрасно знал, что речь шла в первую очередь о той, которая была влюблена в него всю жизнь, и была женой поэта, скрывшегося в метели.

– Он ее любит, по-настоящему любит, но я ни в чем не виноват, ни в чем, почти ни в чем, я не отвечал ей взаимностью, мне не было до нее дела.

Они оба тогда еще не могли знать, что погибнут в одном году, с разницей в пару недель, что в «Поэме без героя» будет только он один, и больше не останется героев.

Он не мог этого знать в тот день в ресторане. Только в записной его книжке появилась фраза «В вас были влюблены все мои женщины».

Это было самое невероятное и самое странное свидание в его жизни. Больше в этой реальности им встретиться не пришлось. Но может быть там, на Лунной дорожке, они еще смогут поговорить об Анне, которую так любил один и едва помнил другой, но именно он навсегда остался в ее «Поэме без героя».

Глава 8 Я пришла к поэту Несколько лет до того

А дева стояла и стыла в своем зачарованном сне. Да, именно так и было. Метель не уни-малась ни на минуту. Она испытывала на прочность всех, особенно юных и влюбленных девиц.

Что нужно было им около этих темных окон? Многие не понимали и не могли понять этого, а они пропадали часами, часто целыми вечерами, а то стояли и до глубокой ночи. Хотя ночью на Невском и особенно прилегающих улицах было так беспокойно. Но, кажется, они потеряли всякий страх, а может и вовсе его не обрели еще, влюбленные и непуганные заснежен-ные птички в метели.

Тетушка отошла от окна и повернулась к сестре.

– Скажи, зачем она снова здесь, голубушка моя?

– Ну откуда мне знать, наверное, влюблена. Наверняка влюблена, но никто не объяснил ей, что так вести себя юной особе просто не прилично.

Но тетушка думала о своем: Она печальная, а он таких не любит и не полюбит никогда.

– Говорят, она поэтесса, и у нее есть муж, хотя кто же их поймет теперь.

– Когда и кого это останавливало?

Тетушка отошла к старинному зеркалу, заглянула в его глубины, стараясь понять что-то только ей одной ведомое. Но молчало и хранило тайны прошлого это старинной стекло, а если бы оно могло говорить.

Она приготовила ужин, не надеясь на то, что Саша придет вовремя, значит, им придется ужинать вдвоем. В последнее время это стало делом обычным. Где он и с кем, она узнавала из дневников и записных книжек, которые он позволял ей читать, потому что они были рас-считаны на читателей, почитателей и библиографов. А в том, что там интересна будет каждая запись, он не сомневался. И каждый день упорно и подробно записывал все, что в его жизни происходило. Детали, казалось, что они важнее всего. Остальное можно было понять без вся-кого труда, а главное не сомневаться, что он все точно записал, так как оно и было.

NoNoNoNoNoNo

Тетушка убрала посуду и снова подошла к окну, девушка стояла на том самом месте, это заставило содрогнуться ее, оставшуюся в тепле. Там же так холодно, она могла заледенеть совсем.

– Она все еще стоит, – с печалью бросила она

– Так поди, приведи ее в дом, пусть немного погрееется, так ведь и замерзнуть недолго, отвечала сестра,

Она накинула шубку и вышла, как раз в тот момент, когда к ней подходил высокий, дол-говязый парень. Пришлось замереть на месте, но эти двое никого не замечали, даже появивсь она перед ними, они были устремлены друг к другу.

– Анна, ты еще здесь, пошли домой, ну сколько можно себя изводить?

– Нет, нет, я останусь, я должна его увидеть, сказать ему самое важное, а ты иди, я скоро буду. Я должна его увидеть, хотя бы раз.

Из всего этого разговора тетушка поняла, что она живет где-то поблизости.

Когда молодой человек скрылся из виду, она вышла, остановилась перед ней и попросила ее пройти в дом

– Да нет, мне лучше здесь дожидаться.

– Но так холодно, я уже озябла, а вы уже так долго стоите на ветру.

Анна все-таки подчинилась и пошла за ней. Они вошли в уютную гостиную, там было тепло и тихо

Тут же появился горячий чай. И она едва смогла взять чашку в руки, пальцы совсем окоченели. И согрелась она еще долго.

Глава 9 Явление поэта

Сестры переглянулись, но та, вторая, не подошла к столу, а эта оказалась проще и добрее, и приветливее. Именно она оказалась спасительницей для Анны.

Но зачем ей нужно увидеть его, что она собирается сказать. Надо будет в очередной раз уверить его, что девушка пришла к ней, и случайно здесь с ним столкнулась, а то как-то неловко получается. Она сама ни за что на свете не пошла бы к поэту в гости, не оставалась бы под его окнами. Но у молодежи совсем иные нравы – они дерзкие и странные, хотя можно ли чего-то добиться таким вот образом? Он не терпит давления, он всегда и все решает сам.

Анна пила чай молча, но и отогревшись, не улыбнулась даже, а была все такой же печальной, погруженной в себя. Ну как так можно сидеть надувшись, словно тебя тут обидели?

Бедная, бедная, Саша даже не посмотрит на нее, ему нужны веселые актрисы. Как она могла знать это, а вот знала, и собиралась только убедиться в правоте своих догадок. Не станет он вот так сидеть и молчать с ней часами, не станет, потому что и сам он веселый и легкий в тесном кругу близких людей, хотя те, чужие бы ей вероятно не поверили, если бы она сказала о том, каким он может быть.

NoNoNoNoNo

Когда Он, наконец, пришел, тетушка перевела дыхание. Ей хотелось уйти к себе, передохнуть, почитать книгу, а не играть в молчанку с незнакомкой. Но разве не она сама по доброте душевной и сотворила для себя такое испытание?

Он суховато поздоровался, явно недовольный тем, что здесь была чужая девушка, а он так устал от чужих. Дом – это тихая пристань, и кто смеет нарушать его покой здесь?

Сказал пару слов о спектакле, о маскарade, о метели, не стихающей ни на минуту и спокойно направился к себе.

Анна привстала, решив идти за ним, но остановилась и снова села, прижавшись спиной к спинке стула.

Тетушка улыбнулась, сделала вид, что она пришла к ней. И это как-то спасло положение, неловкость исчезла, как только за ним закрылась дверь. Дождалась. Он был так близко теперь, но казалось, что отдалился еще больше.

Но может быть, лучше было сказать, что она тоже пишет стихи, что она пришла к нему. Но не теперь, в следующий раз, теперь уже поздно. И момент упущен. Тетушка постаралась, хотя ничего такого она не делала.

Глава 10 Я послал тебе черную розу

*Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды
А. Блок*

Это был 1940 тревожный и странный год, мир жил в ожидании войны, где-то она уже бушевала. Поэзия, словно молния, осветившая небосклон в начале века, мелькнула и погасла. Но раскаты той грозы, странным и далеким эхом еще разносились над миром, хотя порой трудно было понять и узнать, что это и откуда доносится грохот.

И только тень, непонятная и неузнанная никем в чужом мире перенеслась в сердце мира – Париж. Что там нужно было Поэту, что хотел он увидеть и услышать, почему так давно покинувший землю, никак не мог успокоиться?

№№№№№№№№

Старик сидел в кресле неподвижно. Когда ему сказали, что видеть его хочет незнакомка, он устало махнул рукой. Но потом сменил гнев на милость, и пригласил ее войти.

На поэтов взирали, как на диковинных животных в те времена, а может денег попросит. И к этому он привык. Всем тяжело жилось на чужбине.

Но девушка вроде бы не была похожа на просительницу, она пришла взглянуть на живого поэта. Он немного оживился, и потеплел его взор. Потом он стал припоминать, что они встречались в Петербурге когда-то. Странно, что он запомнил ее лицо, сколько их там было?

– Мне очень не хватает его, – призналась девушка

Он насторожился, и не понял, почему она говорила в третьем лице, о ком она говорит. Но догадка уже опалила его измученную и усталую душу.

– И вы туда же, да что же происходит в этом мире, он не поэт, а черт знает что, да как можно, дорогая.

– Значит, это правда, то, что он писал тогда:

*Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,*

– Но как же вы можете, он же мертв давно, а вы... – у нее не хватило слов, чтобы продолжить.

Поэт резко поднялся, он кипел от ярости, которую мог разбудить в душе его единственный соперник:

– Простите, дорогая, что я все еще жив, мне повезло больше, чем ему, – и он усмехнулся.

Но странная эта улыбка казалась такой жалкой, она так исказила его лицо, что оно казалось безобразным, девушка отшатнулась от него и бросилась прочь. Призрак последовал за ней.

№№№№№№№№

Поэт очень быстро, почти стремительно ходил по комнате, и никак не мог остановиться и успокоиться.

Жена заглянула в комнату, она видела, как выбежала девушка и ничего не могла понять. Она не запрещала им тут появляться, потому что была уверена, что это ему как-то поможет отвлечься, почувствовать себя знаменитым поэтом, да он и не позволил бы ей не пускать их.

– Что произошло? Ты приставал к ней, – с упреком спросила она.

– О, нет, до этого не дошло, да и не могло дойти. Она снова привела с собой его, как я не понял этого сразу?

– Кого? Она была совсем одна.

– Не придурайся, что ты ничего не понимаешь.

– Ян, ты очень груб.

Но больше она ничего не сказала, прекрасно понимая, о ком он говорит.

– Сколько эти дуры могут мне морочить голову, я лучше во всем, я был краше, мои стихи и близко нельзя сравнивать с его, и что?

Он в порыве взглянул на жену, она не успела отвести глаза, и он пришел в еще большую ярость.

– И ты Вера, и ты сходишь с ума от этой чуши, чего стоит только этот шедевр: Я прислал тебе черную розу в бокале, золотого, как неба аи. Разве эта пошлость может так действовать на женское сердце. Уйди, оставь меня, я не хочу тебя видеть, я никого не хочу видеть.

Он опустил в кресло, закрыл лицо руками. Она не ушла, наоборот приблизилась к нему, и нежная рука коснулась его жестких седых волос. Она не стала ему говорить в тот момент, что он лучше всех, что она осталась с ним, и стихи его помнила наизусть, потому что они оба понимали, что это только стечения обстоятельств, а если бы пасьянс ее жизни разложила судьба по-другому. Но не стоит думать о ней, о судьбе, в сослагательном наклонении, потому что нет у них другой жизни, да и эта стремительно катилась к финалу.

– И это пройдет, – только и прошептала она.

Он ничего ей не ответил.

Глава 11 Москва. Переделкино

На даче старого поэта не говорили о войне, которая приближалась с неумолимой силой. Все, кто навестил его нынче, старались говорить о прошлом, о стихах. Такие воспоминания – это все, что у них осталось.

Он вспоминал о том, каким странным и непонятным сам себе казался в те дни, как пытался переписывать те стихи, но у него получилось еще хуже.

– Тогда я бросил все и решил оставить, как есть.

Анна таинственно улыбнулась. Он хотел спросить, почему она улыбается. Но в это время юная их гостья, которую она привела с собой, чтобы показать ей настоящего поэта, заговорила. До сих пор она сидела молча, только восторженно смотрела и слушала:

– Не может быть, вы хотели переписать и изменить:

*Дыша духами и туманами, она садилась у окна,
И пахли древними поверьями, ее волнистые шелка,
. И шляпа с траурными перьями и в кольцах узкая рука*

Все, кто был в тот момент в гостиной, замерли, не шевелились и не дышали, она на самом деле не знала, или только разыгрывает неведение? Понять этого никто не мог.

Но Анна опомнилась первой, и остановила ее, хотя казалось, что, произнося строки, она ничего не видела и не слышала:

– Дитя мое, но это не Борис, это совсем другой поэт, он давно умер.

И странно оживились все. Кто-то старался говорить о другом, кто-то вспоминал того Снежного короля, о котором она им всем напомнила.

– Нет, ему никогда ничего не нужно было переписывать, все мгновенно разлеталось по миру, и сводило с ума всех, кто это слышал, – улыбнулся сам поэт, – не надо Анна, она права. Так уж вышло, никто из нас не мог сравниться с ним, но почему ты так бледна.

Теперь, кажется, сам он был бестактен, но как-то странно все смешалось.

– Не может быть, он не мог умереть, – говорила между тем девушка, – потому что все эти годы я мечтала увидеть и услышать его, а сегодня я была так счастлива, потому что верила, что моя мечта сбылась.

Поэт не слышал этих слов, он говорил с Анной о ее великой любви.

– Не сердись на эту девушку, он опалил все ваши души, чего стоит то заклятие:

*Я сидел у окна в переполненном зале,
Что-то пели смычки о любви,
Я послал тебе черную розу в бокале,
Золотого, как небо аи.*

И теперь замолчали снова все, они слышали, как он читает чужие стихи. И голос тихий и бесцветный был похож на тот, который они помнили, которым грезили до сих пор.

Слезы текли по щекам девушки. Она ничего не понимала, она знала только одно, что никогда не увидит его.

Станным холодом повеяло на собравшихся гостей, хотя был теплый летний вечер. Ему хотелось воплотиться. То ли в порыве странном думал он поблагодарить старого поэта, то ли ему хотелось осуществить мечту заветную странной этой девушки, которая увидела другого поэта.

– И ты Анна, – говорил между тем Старик, когда они прощались.

– Да, все эти годы я хотела только одного – увидеть и услышать его, – мне тоже кажется, что распахнутся двери, и он войдет снова, и все, сколько бы людей не было в зале, замрут и повернуться к нему, так было всегда.

– Да, замечательное было время, – мягко улыбнулся старик.

Больше он ничего не сказал ей.

Глава 12 Париж. Старая усадьба

Сегодня в гостях у графини Анны был профессор словесности и знаменитый когда-то поэт. Узнав об этом, немногочисленные гости ее «иных уж нет, а те далече», странно оживились. Много можно было отдать, чтобы вернуть то время, хотя бы обмануться, и перенестись в старые усадьбы, которых давно уже там не было, они оставались только в их памяти.

Он вошел стремительно. И дамы зашептались о том, сколько ему может быть лет теперь. Но он не вникал в шуршание их слов, а стремительно прошел к роялю.

– Почему нет музыки, живой музыки? – спросил он хозяйку, и улыбнулся.

Она отметила, что он все еще очень красив, как Дориан Грей, продавший душу дьяволу и получивший взамен вечную молодость. Многие бы позавидовали ему и теперь. Но он иронично и к хвале и ругани относился, и жил в своем раз и навсегда им придуманном мире. Она еще успела подумать в тот момент, если ли что-то в этом мире, что могло бы вывести его из себя? Трудно сказать, вероятно, есть, но ей это не было ведомо.

Молодая или казавшаяся молодой женщина подошла к роялю. Он не заметил ее, когда вошел, впрочем, он почти ничего тогда не замечал, и слезы появились на ее щеках.

– Что с Вами, милая, Вы так рады меня видеть?

– Тогда звучала та же мелодия.

– Но когда? Где мы прежде встречались? – допытывался он, все еще продолжая исполнять «Лунную сонату», хотя сам не мог понять, почему именно она, он и прежде просто поддавался порывам, и исполнял то, что возникало в воздухе само.

– Нет, это были не вы, – едва произнесла она.

– Конечно, я был моложе, мы все были другими.

– Нет, – чувствовалось, что воспоминания причиняли ей невероятную боль. Но был ресторан, и единственная встреча.

№№№№№№№№№№№№

Поэт улыбнулся снова, он никогда не припомнил бы, сколько было в его жизни ресторанов и сколько единственных встреч.

Но она не отступала от своего, она знала, что не должна говорить, и все-таки никак не могла молчать, словно какая-то сила толкала ее на откровения, хотя у всех у них, что кроме воспоминаний о прошлом оставалось? Только ими они и жили, потому он легко прощал им и себе самому все слабости.

– Тогда появилось стихотворение:

Я сидел у окна в переполненном зале,

Что-то пели смычки о любви...,

Наклоняясь кавалеру намеренно резко

Ты сказала: «И этот влюблен»

Когда стихотворение было опубликовано, я была вне себя от ярости, я ненавидела его, а теперь все отдала бы за то, чтобы еще раз с ним столкнуться где угодно и как угодно.

– А, вы об этом, – растерянно и неопределенно произнес поэт, – да, конечно, мы вынуждены были признать, что этот мальчишка обошел всех нас, и вот еще одно тому доказательство.

Он оглянулся на собравшихся, развел руками, и, извинившись, удалился в сад. Стремительно шел старик по дорожке, пока не растворился в тумане.

Графиня подошла к своей подруге и упрекнула ее:

– Я не понимаю, как ты могла быть такой бестактной.

Но поэт в тот момент уже вернулся. И остановился перед ними:

– Прошу прощение, воздухом подышать хотелось, голубушка, я вернулся, чтобы успокоить вас, он никогда никого не любил, и вам очень повезло, что это была единственная встреча, вы не пережили бы всех тех страданий.

Странно перекоилось от ярости красивое лицо этой женщины.

– Вы гадки и злой старик, – вырвалось у нее.

– Да, – согласился он, – и это правда, а он, ваш любимец, стариком не будет никогда, даже в этом ему повезло.

№№№№№№№№№№

Поэт больше ничего не сказал. Графиня понимала, что вечер погублен окончательно, хотя она не знала в чем винить Марию, нет, это все ОН никак не может всех их оставить.

Но он уже оставил их, ему хотелось услышать то, о чем в своей жизни он знать не мог, но на столе в узкой комнате, похожей на коробку, сидела пожилая женщина. Перед ней лежала рукопись. Она была уверена в том, что осталась одна и очень любила эти минуты одиночества в предзакатный час, можно было подумать о том, что происходит, припомнить стихи, которые не были даже записаны.

Она снова повторяла, чтобы не забыть свою «Поэму без героя», так было каждое утро и каждый вечер. Вот и теперь, когда ее юная знакомая наделала столько шума на даче у поэта, она вспоминала то, что написала совсем недавно:

*На стене его твердый профиль,
Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но какие таятся чары
В этом страшном дымном лице-
Плоть почти что ставшая духом,
И античный локон над ухом-
Все таинственно в прищельце.
Это он в переполненном зале
Слал ту черную розу в бокале
Или все это было сном?*

Она не понимала в тот момент сон это или явь, да и вся ее жизнь была явью или сном, кто мог знать это.

Он постоял еще немного рядом, повторяя ее строки, улыбнулся и растаял. Она снова осталась в этом мире совсем одна.

Или все это было сном? **Это был 1940 тревожный и странный год, мир жил в ожидании войны.**

Глава 13 Париж Опоздавшие

– Мы опоздали, – говорили в один голос бесы.

– Мы проиграли, он умер 20 лет назад. Тот последний из рода Волхвов, которому можно было передать настоящую рукопись и надеяться на то, что он сможет продолжить начатое,

– И что теперь?

– И ничего больше, теперь нам некого искать. Он нас искал на болотах, мы его совсем не искали, разошлись пути дорожки.

И трудно было понять и разобрать, хотели ли они этого, случайно ли так получилось, или это просто судьба.

– Дело стольких лет насмарку, – сетовал Мефистофель, непривычно было видеть его без Фауста. он и сам дивился этому, но не хотел отвлекаться на то, что не играло существенной роли.

– У каждой истории может быть счастливый финал, – не терял оптимизма Рыжий, но хорошо знал, что ничего там хорошего не будет.

– Мы пытались создать утопию, – задумчиво твердил Темный, который и теперь готов был неудачно пошутить

– Только Антиутопия нам и осталась, – говорил Мефистофель.

Никто не поверил бы, что он шутит, таким серьезным он не бывал никогда прежде.

– Это что конец света? Окончательно и бесповоротно?

– Да, какие-то жалкие годы вырождения и вымирания и все.

– Но разве кто-то из нас мог поверить, что он наступит из-за того, что останется не та рукопись, что в усадьбе у Последнего сожгут библиотеку?

– А что эта жизнь без слова, я же должен был догадаться, когда вел его к художнику и мёртвой царевне. Когда он отыскал тот дом, и они встретились, все-таки встретились, была поставлена последняя точка, разве не так?

– В момент, когда событие совершается, мы не склонны так думать, это потом, когда все прошло, вдруг наступает прозрение, так что не бичуйся так. Мы конечно, не смертные, но ничто человеческое нам ни чуждо.

– Но я хочу знать, что происходило потом, в те два десятка лет, после его ухода, что там такое стало с нашей словесностью и литературой, да такое, что она не смогла подняться и возродиться.

– Значит надо отмотать время вспять, и посмотреть, кто довел всех нас и мир до жизни такой.

– Феликс, – услышали они какие-то странное имя

NoNoNoNoNoNoNoNo

– Кто такой Феликс, почему о нем ничего неслышно было

– Потому что это отдельная история

Мефистофель сделал вид, что она ему тоже не введома, хотя тут же достал Свитки, где и оставалась записанной им самим та самая история и даже стояла дата 1920—1949 год.

И все снова зашевелились, словно хотели узнать, что же там такого гибельного случилось – приключилось.

– Но если это ничего не изменит, – пожал плечами Темный.

– Я бы сказал тебе, что это надо знать, чтобы исправить ошибки. Но это было бы не правда, потому я и скажу, что это просто надо знать на всякий пожарный случай.

Может кто-то и хотел возразить, но делать этого не стал. Им пришлось выслушать историю о том, как после ухода Демона и пророка погиб этот мир, но сначала это была история про Убившего дракона, попытка оправдания или что-то подобное

Глава 14 Убивший дракона

Тайна поэта всегда непостижима. Говорят в детстве того, кого назовут скоро влюбленные женщины, а влюблены были все, кто видел и слышал его, и яростные мужчины, любившие этих женщин, влюбленных в него, они все так и назовут его Снежным королем.

Он часто вспоминал о том, что именно сказка о Снежной королеве – повелительнице метелей, околдовала, заморозила в самом начале его душу.

Сон смешивался с реальностью, невозможно было разобраться, где-то, а где другое, и только снежная королева неизменно врывалась к нему в метельные Петербургские зимы, а летом и осенью, он томился и ждал ее прихода. Весна вообще казалась самым унылым и печальным временем для Поэта, потому что до свидания с ней была еще целая вечность.

А потом, когда он сложил слово «вечность» из льдинок, и готов был погибнуть в пору своей юности, в последний момент он вдруг опомнился, вырвался из ее объятий и убил в себе эту холодную, эту снежную страсть.

Ему удалось уничтожить своего дракона, обольстительного и великолепного, хотя он уже тогда прекрасно понимал, что убивший Дракона, сам становится Драконом.

Сознавать это было и жутко и весело, а если природа тебе подарила уникальную внешность самого прекрасного из принцев и великий поэтический дар, что же остается, как не расправить плечи и не стать первым.

И в такую же метельную зиму Снежный король стал первым поэтом. Это признали сразу и все. Глупо и бесполезно было спорить и профессорам-филологам, и юнцам, мнившим себя богами и гениями, они слышали его:

*Дыша духами и туманами,
Она садилась у окна,
И пахли древними поверьями
Ее волнистые шелка*

И отступились, и отступили. Они много кричали и много пили, а он видел в то самое время иные пространства и миры и смог передать их красоту и величие. Сначала они думали, что он человек, пока не разглядели не только божественное тело, но и божественную улыбку. Между ними появился Ангел, потому он и победил Дракона – Снежную королеву. Разве смертному это по силам?

NoNoNoNoNo

Поэт не только видел иные миры, он научился показывать их в своих стихах, а еще там была музыка, не земная, не та, которая звучала в гостиной профессорского дома, и даже не гениальный Пианист, его отец, создавал и дарил ее – они почти не виделись и не общались и были странно далеки. Она приходила к нему и ко всем нам из тех миров, куда не дотянуться простому смертному.

Потому и любили женщины, и были заморожены, покорены и готовы идти на край света, только он не звал ни Анну, ни Наталью, ни Валентину. Он знал, что не смогут они одолеть земное притяжение, что гибель грозит им.

Покорял пространства и миры поэт всегда в гордом одиночестве, и оказывался вдруг там, «где кажется земля звездой, землю кажется звезда». От такого полета в любой мир могло разорваться на мелкие кусочки сердце. А когда он появлялся среди них, такой отрешенный и далекий, они не могли отпустить его так просто, не замечали остальных.

И отрицавший любую религию, он невольно возвращал их к язычеству, к тем колдунам и ворожеям, которые владели умами и душами людскими. Распятый и замученный Бог не мог быть для него той путеводной звездой, за которой он бы устремился, и в начале была Королева метелей, стихия страсти, а не покорности и слепой веры в то, что убогие и сирые достигнут

блаженства. Он никогда не смел даже мечтать о том, чтобы стать немощным и убогим. И бунт, порожденный в душе Дракона, толкал к жуткой пропасти и его самого, и всех, кто видел и слышал его, и через много лет после его ухода, что уж говорить о том времени, когда он одиноко бродил по земле, укутанной метелями.

И тогда произошло невероятное, те из Прекрасных Дам, которые приблизились на страшно близкое расстояние, не желая оставаться идолами для поклонения, они постарались оживить его, привязать к себе, сделать мужем.

Романы рассыпались в прах, один за другим, все их усилия были напрасными, но они снова и снова брались за дело.

И Дракон какое-то время был рядом, казался послушным, а потом вырывался на свободу и поднимался высоко в небо.

Что же делать, если обманула,

Та мечта, как всякая мечта, —

Напишет он той, которую звали Любовью, и которую единственный раз в жизни он повел под венец и выделял среди остальных. Но кроме слов прощения ничего не осталось и для нее:

Милая, безбожная, пустая,

Незабвенная, прости меня.

Тот, кто в самом начале любил Снежную королеву, не сможет быть покорным мужем не для одной из женщин. Но они тоже считали себя королевами, играли королев, но никогда не были ими, потому оставались только засохшие розы и разочарования.

Побежденная королева отступила тогда, но она унесла с собой и его душу, хотя даже сам Дракон долго не знал, не чувствовал этого, и пытался доказать всему миру, что он такой же как и все, только пишет гениальные стихи. Всей трагедией своей дальнейшей жизни он доказал, что нельзя писать гениальные стихи, слышать музыку иных миров, и оставаться таким, как все.

Глава 15 В метели карнавала

А карнавал продолжался, они переодевались снова и снова, маски скрывали их лица, и это на какой-то срок было для него спасением, он мог оставаться среди них, чувствовать себя живым, переживать какие-то страсти и страдания. Хотя когда маски были сорваны, появились пронзительные строки «Песни ада», он навсегда оставался в аду, и в реальности прошелся по всем его девяти кругам.

И только Снежному королю, в отличие от юного несносного гусара, удавалось свое одиночество нести достойно в этом мире, не обвиняя всех и каждого в собственных провалах и неудачах. Просто он был рожден королем и рыцарем, и никогда об этом не забывал.

Мистика окружала его повсюду, но был особенный символ, перебравшийся из самых страшных видений безумного Эдгара – черный ворон, которого оставляет Повелитель Тьмы тому, с кем заключена была сделка. Оставляет он его как напоминание о совершенном. Этот странный ворон на любой его вопрос, на любой порыв произносил одно только слово: «Никогда». Он понимал, что именно так все и будет.

Ни жизни, ни любви, ни бессмертия, ничего в его реальности не было реально. Так и любовь, и страсть, и жизнь сама превращается в странную игру с судьбой, словно он мог в один прекрасный момент все изменить, если сделать еще один шаг. Но шаг делался, а вместо странного и прекрасного света была снова метель и кромешная тьма.

А когда он видел своего Ангела, тот спрашивал его:

– У тебя есть стихи, разве этого недостаточно?

И вечный противник его отвечал на тот же безмолвный вопрос:

– Пред гением судьбы пора смириться, сер

Ему не суждено было стать Фаустом, или Донжуаном, или Гамлетом, все они были слишком земными и, в сущности, ничтожными созданиями. А он никогда ни у кого, ни о чем не просил. Боги не просят, и ангелы не просят. Это к ним обращаются с молитвами и мольбами. И обращались, все время, на каждом шагу. Первая поэтесса, влюбленная в него с первого до последнего мгновения своей жизни оставалась богомолкой, и та, которая никому не подчинялась, и не решилась приблизиться, молилась:

Плачьте о мертвом ангеле, – призывала она, и рыдала вся страна, все, кто мог в те августовские дни понять, кем для них был тот, который ушел, едва переступив свой сорокалетний рубеж.

Они молились, но в жизни его не было любви, и он расставался с ними безжалостно.

– Ты уйдешь, – говорил ему бес, но и через много лет после ухода, каждая девица, которая хоть что-то смыслит в поэзии, будет мечтать о том, чтобы провести с тобой ночь.

– Это должно меня радовать?

– Как хочешь, радуйся или огорчайся, но так будет, никто из предшественников не мог и мечтать о таком.

А он меньше всего мечтал о ночах с женщинами – ночь предназначена, для старинного дела – поэзии, после того, как лихо прокатишься на рысаках с самой обаятельной, и возникнет признание:

*Нет, я не первую ласкаю,
И в четкой строгости свой,
Уже в покорность не играю,
И царств не требую у ней.*

Они были, конечно, но они растворялись в той самой метели, оставляя след на страницах его творений, но не заснеженной душе.

– Почему все так? – спрашивал он у того, кто должен был знать ответы на все вопросы.

– А ты не забыл, что сделал два дела когда-то, убил дракона и сложил из льдинок слово «вечность». Он не забыл этого, хотя и хотел забыть. Но как это сделать, если потом этому и была посвящена вся оставшаяся жизнь, и не было, и не могло быть никакой другой.

– Я не умру никогда? – спрашивал Поэт.

– Я не сказал этого, но останутся стихи, и страсть, и любовь, да- да, тот, кто не умел любить так смог рассказать об этом чувстве, что даже старый бес прослезился, и захотел понять, что это такое.

Он понимал и любил юмор, но на этот раз даже и не улыбнулся, потому что все было так важно, так серьезно, как никогда прежде не бывало.

И бес решил, что пока не стоит шутить, он сделает это потом, когда его настроение станет другим.

А потом он показал ему Париж, который выплыл из старинного зеркала.

– Что это?

– Париж, тебя там нет, не ищи, тебя там уже не будет к этому времени.

– Но зачем ты мне показываешь этот мир?

Они приблизились к какой-то скамейке, прекрасная девушка, читала томик его стихов, по щекам ее текли слезы.

– Разве это не бессмертие, не то, о чем я говорил? – удивленно спросил он, – пока тебя помнят, ты вечен.

Лицо поэта оставалось совершенно неподвижным, он ничего не ответил. О нем говорили незнакомый адмирал, и слишком хорошо знавший его поэт, вернувшийся с войны.

– Ему ничего не надо было делать, чтобы остаться в литературе и в жизни и после ухода, все мои женщины были влюблены в него.

NoNoNoNoNoNo

Там была только одна неувязочка. На зеркальной поверхности все еще оставался Париж тридцатых, а может и сороковых годов, но там никак не могли оказаться те, кто был расстрелян. Один из них в том же месяце, когда умер сам Король, а второй чуть позднее. Но это было только грядущее, потому бес и не заботился о правдоподобии, а поэт просто не мог еще знать, как это будет.

Он мог пофантазировать, и потом, ему так хотелось сохранить им всем жизнь. Конечно, он не был от них в восторге, но точно знал, что те, кто придут им на смену будут просто страшны и никчемны, да такими, что у него от ярости аж зубы сводило.

– Она и на самом деле была влюблена в меня? – очень тихо говорил он.

– А в кого еще она могла влюбиться. Одна беда, она никогда не была актрисой, но и им повезло немногим больше.

Он умел утешить даже того, который в утешениях его и не нуждался особенно.

– Скажи, ты знал, что душа моя заморожена навсегда?

– Всякое могло случиться, – неопределенно заметил бес. – Но так лучше, проще, меньше мороки.

– Я видел во сне нынче именно их, – вдруг вспомнил он о видении – об адмирале и поэте.

– И что же ты видел? – поинтересовался бес.

Он знал этот сон, но не мог понять, скажет ли он ему об этом или нет.

– Я видел реку и расстрел, стену и расстрел. Скажи, что это не правда, что этого не может быть.

– В этом мире все может быть, – перебил его бес.

Он был уверен в том, что поэт нарушит свое золотое правило и попросит его о чем-то. Но и на этот раз он промолчал. Бес облегченно вздохнул – хорошо, что он оставался собой, таких мало в этом мире, таких почти нет, да и бессилён он остановить катастрофу.

Он чувствовал в ту ночь, что задыхается и растворяется в метели. Но ни досады, ни жалости не было в душе, на этот раз он воспринял метель, как благо, как освобождение от страшных мук. И тогда появилась снова та, которую он победил и отверг в начале, она обняла, подхватила и закружила его. Она точно знала, что так будет, когда оставляла его на время на земле среди людей.

– Ты вернулся, ты не мог не вернуться, разве мой великолепный мир сравнится с тем, другим. Все остается в силе, ведь ты сложил из льдинок слово «Вечность».

И они растворились в метели.

Глава 16 Крушение мифов. Гибель Незнакомки

*Уют усадеб в пору листопада,
Благая одиночества отрада.
Ружье. Собака. Серая Ока.
Душа и воздух скованы в кристалле,
Камин. Вино. Перо из мягкой стали.
По отчужденной женщине тоска.
И. Северянин*

Когда это началось, и почему началось. Побег на дачу, желание испытывать снова и снова страсть, от которой остается только пепел, сожаление и несколько строк стихотворения.

Он был старшим, он с самого начала хотел быть классиком, и определил себя в классики, он плевал на завещание гения «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Он любил страстно всей душой, и отдавался до конца, сначала, потом, когда стал знаменитым поэтом, позволял, чтобы любили его. И были темные аллеи, в которых всегда хотелось укрыться с одной из них, а лучше с двумя – и в этом есть своя прелесть. И они были хороши или безлики, но они всегда были. Поэт не способен оставаться без своих муз. Тогда почему ни лиц, ни имен, ни писем.

Он с самого начала понял, что они не возвращаются к нему. Но казалось, что так и у всех остальных тоже. Он тешил надеждами свое мужское самолюбие до тех пор, пока не увидел безрассудного профессора.

В витиеватости его стихов было черт знает что, но ничего от реальности и от жизни. И толпа студенток следовала за ним, они на все были готовы. Сначала казалось, что они зависят от него, он так долго себя утешал. Но когда столкнулся с одной из них, рыдавшей на той самой темной аллее, потому что профессор улизнул куда-то с другой, он пытался ее утешить, не без задней мысли, конечно.

– Как он мог, – повторяла истеричная девица, – ведь я ему всю себя отдала.

Ему хотелось сказать ей, что-то резкое, может быть, не стоило отдавать, или и отдавать нечего особенно было, но Ян сдержался, потому что надеялся, что когда историка закончится, она увидит, что он спокоен, что он предсказуем (это хорошо или плохо для них) и надежен.

Истерика закончилась, она вытерла слезы и посмотрела сначала в зеркало, а потом увидела его. Слово бы только сейчас поняла, что он во все это время видел ее рыдания, был рядом и узнал ее страшную тайну.

Вероятно, она могла бы убить его, если бы в руках оказалось оружие, но не сделала этого.

– Что вам нужно, как вы можете так о нем говорить, да знаете, какой он в постели?

Он не знал, каким может быть в постели знаменитый поэт или профессор филологии, хотя вероятно и то, и другое вместе взятое. Он этого знать не мог, потому что во всем был старомоден, и любил только женщин. Но каким же пошляком показался он даже сам себе в тот момент. Вместо этого он сказал другое.

– Но вы не знаете, каков я в постели, – промямли он,

Зря сказал, хотя и молчать не мог.

– И знать не хочу, – взвизгнула девица, – падите прочь.

То, что он произнес после этого, ее профессор назвал бы нецензурной бранью, но он никогда не был филологом, и считал, что это иногда возможно, в таких вот случаях. О том странном столкновении в темных аллеях можно было бы забыть, если бы они не повторялись и до и после с завидным постоянством.

Он поморщился и подумал о том, что если девица помирится со своим любовником, то она, возможно, расскажет ему о том, что он ей говорил, и черт с ними со всеми. Пусть делают, что хотят. У него есть семья и дом. Но есть ли?

И все-таки, когда он добрался до дома, то разыскал на книжной полке и открыл томик стихов невесть как у него оказавшийся:

Он отложил книжку в сторону и никак не мог понять, как такой чепухой можно было кого-то увлечь.

Говорят, когда он садится к роялю, они все валятся к его ногам. Музыка, наглость, порок – и в этом успех его, невероятно, но он никогда не будет таким.

Я сбросил ее с высоты
И чувствовал тяжесть паденья.
Колдунья прекрасная! Ты
Придешь, но придешь – как виденье!

Ты мучить не будешь меня,
И радовать страшной мечтою,
Создание тьмы и огня,
С проклятой твоей красотой

Глава 17 Я не буду таким

Вера взглянула на него молча. Она вообще почти не говорила в те дни, обижалась на что-то. До нее дошли слухи о его похождениях. Хорошо, что она не знала, что там было на самом деле. Он готов был играть роль Дон Жуана, чтобы хотя бы в глазах жены иметь какой-то вес, но иногда ему казалось, что и она скажет, что не хочет его знать и уходит,

– Тогда я останусь совсем один, – думал он, настраиваясь на худшее, словно все уже было потеряно. Почему одним прощается все, а другим ничего.

Но она говорила о его новом рассказе, о творчестве только они и могли говорить, чтобы не касаться личного, слишком болезненных тем.

– Ты снова о прошлом, Ян, ты только не обижайся, но когда твои читатели чувствуют, что ничего нет в реальности, что все было и было ли, они пойдут искать другое. Им нужно знать, что поэт не вспоминает о неведомом, а любит и страдает сейчас. У тебя и здесь нет ничего кроме тоски о женщине и обид на весь остальной мир. Она старалась не упрекать его, но ничего не получалось. Он угрюмо молчал. Но она не могла остановиться..

– Ты должен оставлять им надежду...

– Конечно,

Я буду лобзать в забытьи

В безумстве кошмарного пира

Румяные губы твои

. Кровавые губы вампира

Он усмехнулся и передернулся, есть еще дорогая:

– *Так вонзай же мой ангел вчерашний,*

В сердце острый французский каблук,

Ты об этом мне хотела напомнить, я так понимаю, – он говорил тихо и отчетливо, но готов был взорваться в любую минуту.

– При чем здесь Бальмонт и Блок, мы же говорим о твоём творчестве, а не о них.

– О моем творчестве, я последний классик, ты это снова хотела сказать, тогда почему все женщины, и слава, все у них, а у меня только дача, осень, собака...

– И старая жена, – она мягко улыбнулась и отстранилась немного.

– Я не это хотел сказать, ты меня не поняла.

– Да, да, конечно, не это, – поспешно согласилась она.

– Но если уж ты завела этот разговор, объясни, как им все это удается.

– Я не знаю, – призналась она, – я никогда не была в их шкуре.

Она знала, даже слишком хорошо знала, но не могла говорить ему о тех качествах, которых у него нет, да и не будет никогда. Они позволяют себя любить, а он нет – вот главная беда, но и об этом она не хотела ему говорить. Она не сразу услышала его, и ему пришлось повторить.

– И тебе не нравится ни один, ни другой.

– Нравятся, но какое это имеет отношение к нам с тобой.

– Вот и убирайся к тому или к другому.

Он все-таки не выдержал, хотя до конца старался сдержаться, но где там, когда о мифических, а может и не мифических соперниках речь заходила.

Она стояла перед ним молча, и кажется, думала о том, чтобы уйти, хотя он был уверен в том, что никуда она не уйдет.

– Они никогда так не обращаются с теми, кто их любит.

Он взглянул на нее, и хотел рассказать все, что видел и знал о них, но ничего говорить не стал, он давно знал, что наговорит такого, о чем потом жалеть станет

– *И если я прежде был твой,*

*Теперь ты мое приведенье,
Тебе я страшнее – живой,
О, тень моего наслажденья*

Прочитала она, словно не давая ему произнести горьких и обидных слов, она знала, что он слишком вспыльчив, потом будет жалеть и просить прощения, но столько горьких обид накопилось. Но откуда ей были известны эти стихи?

Глава 18 Пошли мне второго

Того, которого он во всем считал своим счастливым соперником, профессор и поэт, в тот момент был окружен восторженными девушками, взиравшими на него как на бога. Он выбрался с ними за город, на какую -то дачу и теперь готов был покорить всех сразу, заморозить, и они стали игрушками в руках его. Но почему он так грустил, и совсем не было похоже на себя? А он читал, задыхаясь, и не глядя в их юные и прекрасные лица:

*Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тлеющих свечей,
Грустные, безбольные,
Звони колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей*

Он был так упоен музыкой стиха и собственным торжеством над миром, что не мог видеть, как одна из них наклонилась к другой и пыталась понять, о чем эти стихи.

– Да откуда мне знать, – отмахнулась та, – слушай, смотри, как это красиво, а сам он настоящий Демон, бывают же такие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.